

попаданец
попугай

Николай Ярыгин

ЧЕСТЬ
ИМЕЮ

Николай Михайлович Ярыгин

Честь имею

Серия «Попаданец (АСТ)»

Серия «Честь имею», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42538015

*Честь имею: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; М.,
2019*

ISBN 978-5-17-114333-6

Аннотация

Он выжил в Афганистане, пережил развал Союза, даже в девяностые и в последовавшем за ними диком капитализме остался человеком. Может, поэтому судьба и предоставила ему второй шанс – в мир, где развитие и эволюция общества замерли на многие сотни лет, принести что-то такое, что наконец заставит его сдвинуться с мертвой точки. Здесь все по-другому, но любовь, дружба, благородство, как и зависть, предательство и подлость, такие же, как и в том мире, где он родился. А фраза «Богу душу, сердце женщине, а честь никому» там так же актуальна, как и в нашем мире. А честь всегда при нем, Алексе тан эль Зорга. Честь – критерий, рядом с которым даже жизнь отступает на второй план. И пусть он входит в высший круг аристократов этого мира, ему

без разницы, король ты или простой серв, женщина, мужчина или ребенок: если ты в беде, он всегда протянет тебе руку помощи.

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	11
Глава вторая	36
Глава третья	58
Глава четвертая	79
Глава пятая	91
Глава шестая	97
Глава седьмая	105
Глава восьмая	116
Глава девятая	127
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Николай Михайлович Ярыгин Честь имею

© Николай Ярыгин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Мишель Левицкой

Часть первая

В последнее время нога стала подводить меня все чаще. Ходить становится тяжело, даже с палочкой. А при перемене погоды выкручивает так, что места себе найти не могу. В тот день колонна возвращалась с зачистки и была обстреляна издалека. Было буквально несколько выстрелов из автомата и один из гранатомета.

И вот эта граната разорвалась рядом со мной и сильно посекла мне правую ногу. И ведь надо же, почти четыре года за речкой – и ни одной царапины, а тут такое. Мне ее вообще поначалу ампутировать хотели, и только благодаря Борису Евгеньевичу Слизкому, который восемь часов собирал и шил ее, нога осталась при мне.

Что ни говори, а годы берут свое. Даже тогда, в восемьдесят пятом, сразу после госпиталя, и то легче было. Хоть и понимал, что карьера военного накрылась медным тазом и все мои планы рассыпались прахом, но истерики по этому поводу не было. Лишь в самом начале, когда речь шла об ампутации ноги, очень переживал и не спал ночами. Правда, когда врачи сказали, что все-таки попытаются сохранить ногу, немного успокоился.

За те несколько месяцев, проведенных по госпиталям, как-то свyksя с этой мыслью, что придется все начинать с чистого листа, гражданским человеком. Да и в двадцать шесть

лет жизнь все равно видится в светлых тонах, даже в такой ситуации. В общем, мне по любому полагался отпуск после ранения, решил съездить домой к родителям – как-никак, почти пять лет дома не был.

Встречали меня почти всем поселком. На станцию, в район, сам председатель поселкового совета на личном москвиче за мной приехал. Он долго обнимал меня и хлопал по спине и плечам.

– Сашка, какой же ты молодец, герой ты наш! Садись, садись, поехали! – кричал он на весь перрон так, что все, кто там находился, смотрели на нас с любопытством. Он выхватил у меня чемодан и вещмешок и засеменял чуть впереди, постоянно оглядываясь. – Там все наши собрались, тебя ждут... вон, еле отбился от матери с отцом, когда сюда ехал. Но уговорил, что так лучше будет, когда сам тебя привезу.

– Погоди, Иван Семеныч! – оторопел я. – Кто ждет, где? Но Семеныч только довольно улыбался.

– Всё, Саша, узнаешь, погоду чуть!

Наконец загрузились, и уже в дороге Иван Семеныч рассказал, что два дня назад позвонили с облвоенкомата и просили передать моим родителям, чтобы они меня встретили, а также то, когда и каким транспортом я прибуду.

– А я и подумал, так мы тоже хотим тебя встретить... Ты ведь наш Александр Николаевич, тут родился, учился... Что ж мы, в стороне останемся? Не каждый день, чай, к нам такие герои приезжают.

– Да брось ты, Иван Семеныч, какой я герой! Служил, как все, – смутился я.

– Э, Саша, не скажи... Не просто служил, а воевал в Афганистане. Вон, орденов полна грудь... Да и капитан в двадцать шесть лет – это тоже что-то значит.

А по приезде началось... Слезы матери... Батя, конечно, крепился, но глаза его тоже подозрительно блеснули. Растянулась эта встреча часа на два. Мне даже речь пришлось толкнуть и рассказать, как оно там, в Афгане. Ну а дома – стол, накрытый во дворе, тетки, дядья, соседи... Короче, только далеко за полночь закончился этот сумасшедший день. А потом еще неделя всевозможных встреч и походов по гостям. И ведь если не пойдешь – обида кровная. Еле выдержал.

– Что делать думаешь, сынок? – как-то спросил отец.

– Да я, батя, как-то еще и не определился... Мне через две недели на комиссию. Вот после нее и посмотрим, – ответил я, хотя сам прекрасно понимал, что надеяться не на что. – Может, пойду слесарем на ремонтно-механический, – продолжил я.

Отец помолчал, нахмурившись.

– Нет, сын, так дело не пойдет. Не подумай, что слесарь это плохо или недостойно... я вон всю жизнь в забое, сам простой работяга. Просто неправильно это: ты что, зря шесть лет учился? Может, пойдешь вон с Дашкой вместе в институт? Молодой ведь еще.

Дашка – это моя двоюродная сестра, младше меня на восемь лет.

После двух недель криков, споров, обсуждений я решил подать документы в машиностроительный институт на заочное отделение. А тут после медкомиссии где приговор был один: не годен к строевой... В облвоенкомате предложили работу в одном из отделов, зарплата небольшая, да ведь и небольшая пенсия у меня есть – вот уже и не буду на шее у родителей сидеть.

Вот так и покатилась жизнь: институт, работа, женитьба, завод. Неустроенные девяностые, улучшение в двухтысячных. Должность главного инженера ремонтно-механического завода, затем должность директора этого же завода.

Жизнь потихоньку налаживалась. Правда, жена моя умерла рано, оставив на меня сына Алешку четырнадцати лет и десятилетнюю дочь Наташку. Веселая, непоседливая хохотушка, просто не проснулась однажды утром: тромб оторвался, сказали врачи. Больше я так и не женился. Вначале надо было поднимать детей, и никак нельзя было их упустить в той вакханалии беспредела и вседозволенности, что творилась вокруг. А потом – как-то даже и не знаю. Нет, женщины у меня были, но не сложилось ни с кем.

Дети выросли, выучились, женились, вышли замуж и разъехались. Наташка живет в Ростове, родила мне внучку, Алексей в Питере – у него два парня. Вот и остался я один, вроде бы и не совсем старый в свои пятьдесят девять, вот

только нога совсем плохо держит. Я сегодня даже хотел отменить вечернюю прогулку. Но потом пересилил себя и вот теперь хромаю, переходя проезжую часть по пешеходному переходу, опираясь на палочку.

Посижу немного в сквере, да и вернусь домой. А там снова телевизор, сон, утренняя зарядка, кофе – всё как и всегда последние несколько лет. Наверное, все-таки соглашусь с сыном, продам тут квартиру, гараж и перееду к морю. Деньги есть, куплю себе домик у моря, смотришь внуков ко мне возить чаще будут. Все-таки юг, море, все детки здоровей будут, да и мне не скучно.

Из задумчивости меня вывел рев двигателя и вой клаксона вылетевшей из-за поворота машины. Идущая впереди меня женщина с маленьким ребенком замешкалась, и я увидел, что она просто не успевает увернуться от летящего на них автомобиля. Прыгнул вперед, выталкивая ее и малышку на тротуар, и тут моя нога подломилась. Последнее, что помню – распахнутые в ужасе глаза дамочки, визг тормозов, удар, а затем наступили боль и темнота.

Глава первая

В себя пришел резко: раз, и я уже ощущаю себя и вспоминаю все, что произошло, до мельчайшей детали. Ужасно болела голова, левый глаз не открывался. Подняв руку, осторожно ощупал голову. Выше лба, с левой стороны, была довольно серьезная рана. Кровь уже начала подсыхать, и я определил, что лежу уже более часа. Вокруг сгущались сумерки.

Все это было довольно странно. Все-таки областной город, ДТП – и никого вокруг. Попытался приподняться, но от движения голова закружилась и затошнило. «Наверное, сотрясение», – мелькнула мысль. Сколько лежал, не знаю, вокруг уже совсем стемнело, и за это время я не услышал ни одного звука. Нет звуки были, пару раз вскрикнула какая-то птица, в траве трещали сверчки, но того шума, который создает большой город, не было. Кстати о траве... Ведь все на асфальте произошло, а до травы, которая находилась в сквере, было метров двести. Думать было трудно: мысли расплывались, не успев сформироваться. Очередная попытка приподняться привела к тому, что я снова провалился в темноту.

Второй раз пришел в себя оттого, что кто-то облизывал мне лицо, я дернулся от неожиданности и открыл глаза, вернее, один глаз. Было совсем светло, по всей вероятности, раннее утро, так как на траве еще была роса и одежда на мне

тоже была влажной.

Осторожно повернул голову влево, опасаясь, что снова зашнурит или потеряю сознание. Но ничего такого не произошло, увидел я и того, кто лизал мне лицо – это была маленькая собачонка какой-то непонятной окраски. Я даже дернулся непроизвольно, от неожиданности.

– Вилкул, да он живой, вон шевелится! – услышал я чей-то голос. – Да уйди ж ты, шерово отродье!

И чья-то нога, обутая в разбитый башмак, оттолкнула от меня псину. Глянув вверх единственным глазом, я увидел личность, одетую в холщовые штаны и такую же рубаху на выпуск, подпоясанную простой веревкой.

– Вилкул, – снова заорала личность, – давай сюда повозку! Как же мы тебя грузить-то будем, вон ты какой здоровый-то, боюсь, не справимся!

Вилкулом оказался пацаненок лет десяти, в таких же штанах и рубахе, только кое-где заштопанной, и, даже штаны у него были с заплаткой на коленке.

Кое-как с помощью мужика и его сына я встал и осторожно ступая, добрал до обыкновенной телеги с запряженной в нее небольшой лохматой лошастью. Вцепившись в борт и переведя дух, огляделся вокруг, стараясь сообразить, где я в конце концов нахожусь. Шагах в семи лежала лошадь, по всей вероятности, мертвая, недалеко находились лес и заросшая грунтовая дорога.

– Господин, вы бы сажались на повозку, жаль, ни сена, ни

соломы нет — мы за дровами ехали, потому и повозка пустая, — тарыхтел мужик рядом. — Счас мы ваши вещи соберем и отвезем вас в село к знахарке. Ой, и сильно вас, видать, приложило, вон дырища в голове какая!

Говоря это, мужик сноровисто снял с лежащего коня седло, уздечку и пару сумок, притороченных к седлу. Положил все это в повозку, и мы медленно двинулись.

Телегу подкидывало на каждой кочке, хоть и двигались мы шагом, но муки эта тряска доставляла мне ужасные. А самое главное — это было не мое тело. Мысли мои, память моя, а вот тело не мое. Молодая гладкая кожа рук, хоть на ладонях и присутствовали мозоли, но все равно это руки молодого человека.

Даже сейчас, находясь в каком-то заторможенном состоянии, я все-таки осознавал, что у меня или просто посттравматический бред, или что-то произошло, чему я пока не мог найти объяснения. Одет я был в нечто напоминающее камзол, штаны из мягкой тонкой кожи черного цвета, заправленные в сапоги, поднимающиеся на пару ладоней выше колена.

Я полулежал в повозке, опираясь спиной на седло, и морщился от тряски. Мужик что-то говорил, я сосредоточился и понял, что он, видя мои мучения, пытается меня успокоить, говоря, что осталось совсем немного потерпеть. Еще каких-то полчаса моих мучений, и мы остановились у маленького аккуратного домика.

Пацаненок кинулся к двери.

– Бабушка Ингри, бабушка Ингри! Вы дома, бабушка?

– Ты чего тут раскричался? Чай, я не глухая! – сказала появившаяся в дверях пухленькая, опрятная старушка в юбке синего сукна и белой, вышитой по вороту рубашке с короткими рукавами.

– Вон, бабушка Ингри, привезли. Мы едем, а он лежит и в кровище весь, а Шумка давай его лизать, а он дернулся, а мы думали он мертвый! – скороговоркой затарахтел пацан.

– Да тише ты, не части! Здравствуй, Петро, и вы, молодой господин, здравствуйте, – сказала, подходя, старушка. – И что же это произошло? – продолжила она, осматривая тем временем мою голову. – Так, так, так, а ну давай-ка его сюда, на лавку, посадим – и голову печь не будет, и видно все хорошо. Вилкул, а ну сбегай воды принеси! А ты, Петро, очаг раздуй... Надо воду подогреть.

Раздала старушка команды, а сама скрылась в доме.

– А ну, господин, выпей это, – сказала она, появившись через некоторое время, и протянула мне кружку с какой-то жидкостью, которую налила из принесенной фляжки, сделанной, по всей вероятности, из тыквы.

– Пей, пей, не бойся... Оно, конечно, не очень-то и вкусно, но тебе это надо.

Я взял кружку. Даже вид находящегося в ней содержимого говорил, что это гадость. Собравшись с духом, я поднес кружку ко рту и одним махом опрокинул в себя то, что в ней находилось, стараясь при этом не дышать. На вкус это было

даже хуже, чем на вид. Кое-как сдержав рвотные позывы, я стал дышать носом, боясь открыть рот, чтобы эта гадость не выскочила обратно. Старушка ласково улыбнулась.

– Выпил? Вот и хорошо, а сейчас мы раной займемся. Петро, а ну возьми в сенях на полочке глиняную бутылочку и неси сюда.

Получив бутылочку, бабуля смочила тряпицу, полив на нее из глиняной бутылки, и принялась этой тряпицей осторожно вытирать рану и вокруг нее.

После первых же прикосновений к ране мне показалось, что она вроде бы как занемела, и боль стала отступать. И вообще самочувствие стало улучшаться.

– Ну, вот и очистили ранку-то, а сейчас потерпеть надо: я ее зашью. Не волнуйтесь, я быстро, – приговаривала знахарка, что-то делая с моей головой.

– Ну, вот и все, – опуская руки, продолжала она. – Петро, а ну давай воду, теперь умыться надо, а то молодой господин весь в крови.

Петро приволок кувшин с теплой водой, и старуха стала смывать грязь и кровь с моего лица.

– Вот и хорошо, вот и хорошо, – повторяла она, ловко вытирая меня. – А ну, господин, глазик открой! Вот, а то крови натекло, она и присохла, так что и глаз слипся и не открывался.

И точно, мой левый глаз открылся, и я мог теперь смотреть на все происходящее вокруг двумя глазами.

– Ну все, Петро, вези господина домой, да уложи его, ему лежать надо. А я завтра наведаюсь, посмотрю, что да как. И пусть Арна зайдет к вечеру, я зелье приготовлю да обскажу, как его давать ему пить.

Петро с Вилкулом опять поволокли меня к повозке. Правда, состояние мое к этому времени значительно улучшилось, и я изо всех сил пытался помочь им, стараясь резво переставлять ноги. Правда, ноги меня почему-то слушались плохо и все время норовили зацепиться одна за другую.

Селение было небольшим и, как мне показалось, небогатым. Такие же небольшие домики, как и у знахарки, были и чуть побольше и получше, но таких были совсем единицы. Правда, село утопало в зелени и цветении садов. По всей вероятности, была весна, хотя в тот момент, когда меня сбילה машина, у нас был август. Странностей становилось все больше, и их надо было спокойно обдумать и проанализировать.

По приезде на место – как я понял, это и было подворье Петры – мне предложили на выбор: лечь в доме или на сеновале под навесом. Благо на улице поздняя весна или раннее лето и тепло. Я подумал, что на свежем воздухе мне будет лучше, да и не хотелось стеснять хозяев, поэтому решительно показал на сеновал. Правда, сена еще не было, а была солома, на которую бросили какую-то ряднину и тонкую дерюжку, заменяющую одеяло.

Что интересно, за все время нахождения рядом с этими

людьми я умудрился не произнести ни слова. Чувствовал, что говорят не по-русски, хотя и все понимал. Но пока меня конкретно ни о чем не спрашивали, я молчал, решив попробовать говорить позже, когда останусь один. Забравшись на сеновал по небольшой приставной лестнице, я с удовольствием вытянулся на импровизированной постели. Не успел улечься, как появился Вилкул и положил рядом со мной сумки, снятые с коня.

— Господин, снимай камзол и рубашку. Арна постирает. А ты вот пока надень, она чистая.

И он протянул мне такую же рубаху, как была на Петре. Я снял камзол и стащил рубашку из какого-то материала, похожего на хлопок. Правда, та одежда, что предложил Вилкул, на меня никак не хотела налезать, и я махнул рукой: подумал, что лето, не замерзну. В конце концов, мне побыстрее хотелось остаться одному, чтобы обдумать все что со мной произошло. Но из задуманного так ничего и не вышло — едва я остался один, как меня сморил сон.

Проснулся, когда звезды начали гаснуть, предвещая скорый восход, над землей тянулась дымка тумана, а на траве обильно лежала роса. Это что, получается, я проспал почти сутки? В загородке для скота слышались шевеление и тихий голос. Через некоторое время оттуда появилась молодая девушка, даже девочка, неся перед собой жбан — наверное, с молоком. Увидев, что я смотрю на нее, она ойкнула, засмущавшись, и быстро засемила в дом.

Я усмехнулся и, улегшись поудобней, предался размышлениям, что все-таки со мной произошло и где я нахожусь. Промучившись с полчаса и так ничего и не решив, я обратил внимание на сумки, лежащие рядом со мной. Подтянув их поближе, решил проверить, что же там находится – может, хоть что-то прольет свет и даст больше информации. Развязав завязки на одной, заглянул внутрь, обнаружил два небольших котелка, вложенных один в другой, деревянную ложку, лепешку, завернутую в чистую тряпицу, и кусок сыра.

В холщовом мешочке была какая-то крупа и, по всей вероятности, полоски мяса, засушенные до состояния деревяшки. «Походный набор», – подумал я, укладывая все на место и завязывая сумку как было, и взял в руки следующую.

А вот тут уже были более интересные находки: Сверху лежала такая же рубашка, как и та, что я отдал стирать, которую я тут же натянул на себя. В кожаном мешочке находились монеты разного цвета и размера. Я их тщательно пересчитал, чтобы запомнить. Желтых кругляшей (вероятно, золотых монет) было четырнадцать штук, серебряных монет – а серебро я уж точно знаю – было сорок девять штук, медных монет – сто три штуки. Аккуратно ссыпав их обратно, я завязал мешочек.

Определить, бедный я или богатый, я пока не мог, так как номинальной стоимости монет не знал. Там же находился небольшой ларец, в котором лежали две красочно оформленные грамоты, с печатями в виде оскаленной морды како-

го-то зверя из семейства кошачьих, и заполненные неизвестной мне письменностью.

Покрутив грамоты в руках, я бережно уложил их обратно в ларец. Надо будет найти того, кто сможет их прочесть, а лучше выучить грамоту и прочесть их самому, мало ли что в них написано. Еще в сумке были два широких браслета с красивой резьбой и гравировкой – тоже, видно, золотых. Один был более массивный, второй поменьше, и я бы сказал, что более изящный. В самом низу лежал большой и тяжелый сверток. Когда я его развернул, это оказалась тонкая кольчуга. На этом находки закончились.

Не успел я сложить содержимое сумки обратно, как лестница закрипела и показалась голова Вилкула.

– Господин уже проснулся? – это было больше утверждение, чем вопрос.

– Как видишь, – ответил я.

Интересно отметить, что это были первые слова произнесенные мной. У меня у нового был приятный баритон, но слова я произносил с небольшим акцентом, как-то более мягко, при этом немного их искажая.

Дети всегда более непосредственные и меньше подвержены чинопочитанию. Поэтому Вилкул тут же сбился с официального тона и зачастил, захлебываясь словами:

– Я тебе сейчас зелье принесу, бабушка Ирма дала, тебе его пить надо, а Арна тебя покормит. А я тоже хотел спать на сеновале, а меня не пустили. А еще...

Договорить он не успел.

– Вилкул, ты куда снова пропал? – раздался звонкий девичий голосок.

Вилкул спрыгнул с лестницы и зашлепал босыми ногами в сторону дома, подняв облачко пыли.

Все это выглядело так потешно, что я невольно тихо засмеялся. Все, что планировал Вилкул, произошло с точностью до наоборот. Ко мне пришла очень хорошенькая девочка или девушка с уже оформившейся грудью, большими карими глазами, пухлыми губами и тонкими чертами лица. Я уже видел ее раньше, когда она выходила из загородки для скота. Она очень стеснялась, так что и я начал испытывать чувство неловкости. Стараясь не смотреть на меня, она налила в плошку ту же гадость, которой потчевала меня вчера знахарка, правда, эта порция была не в пример меньше вчерашней. Потом дала выпить воды из этой же плошки, после чего снова налила в плошку воды и, открыв маленькую склянку, накапала туда же несколько капель розовой жидкости. Вокруг сразу запахло лесом, цветами и ее чем-то неуловимо приятным.

– Это тоже надо выпить, – протягивая мне плошку, сказала она.

Я выпил и это.

– Спасибо тебе, лекарка, – поблагодарил я девушку (хотел сказать: «доктор», но, видно, в этом языке не было такого слова).

Та смутилась еще больше, покраснели не только щеки, а и шея.

Следом за ней Вилкул притащил миску с какой-то похлебкой, кусок серой лепешки и глиняную бутылку с каким-то напитком с запахом продуктов брожения. От напитка я отказался, а вот то, что было в миске, с удовольствием съел. Похлебка оказалась очень вкусной и ароматной.

Пока я насыщался, Вилкул поведал мне все новости. Оказывается, Петро и еще несколько мужиков укатали разделять лошадь. Я, правда, так и не понял, на мясо они ее разделявать хотят или только шкуру снять, но переспрашивать не стал. Затем он поведал, что его и Арны мать умерла еще два года назад, и Арна теперь ведет хозяйство, а он уже совсем взрослый и осенью пойдет к гончару дядьке Ониму в ученики. Так как своих детей у гончара нет, то он поддался на уговоры Петро, взялся обучать Вилкула гончарному делу. Арне уже шестнадцать весен, и ей пора замуж, только вот никто не сватает, потому что приданого у нее нет, и она иногда по ночам плачет. А Вилкулу ее очень жалко, потому что она хорошая и добрая.

Затем, переведя дыхание, он сообщил, что село их называется Придорожным, так как раньше, еще до его рождения, тут был шумный тракт, который вел в соседнее королевство Барием, но потом что-то случилось, перевал засыпало, и ездить тут перестали. Теперь сюда даже сборщики налогов не ездят, а староста сам возит с мужиками подати в город, на-

ходящийся в двух днях пути. Видно было, что рассказывать он может долго, но тут раздался голос вчерашней бабули, предлагающий мне спуститься для осмотра местным светилом медицины, то есть ею.

Пришлось подчиниться, и вот я сижу на маленьком чурбачке, нагнув голову, а она что-то там щупает и хмыкает. Вот отошла и уставилась на меня с задумчивым видом.

– Ну вот что сказать? – качая головой, сказала она и продолжила: – Не видела бы вчера твоей раны, сказала бы что ей уже семь дён, а то и более, хорошо заживает, да ить и настои лучшие отдала, за что их теперь покупать, даже не знаю.

Я понял, что разговор заведен, так сказать, с определенным желанием выяснить платежеспособность клиента. Атак как клиент был довольно далек от местных монетарных реалий, то задал осторожный вопрос: а сколько же стоят эти чудодейственные настои и эликсиры?

На это, еще поохав и посокрушавшись, бабуля ответила, что та отвратительная настойка, которой меня поят, стоит целых полторы медных монеты, а «Розовая роса» – так та вообще страсть как дорога и стоит целых три медяка. Ну а притирка – всего полмедяшки. Ну и за труды полмедяка, а всего набегает пять с половиной медяков. И старуха снова стала сокрушаться.

Когда была названа окончательная цена, у меня прям камень с души упал. Я мог спокойно рассчитаться и при этом не слишком нарушить свое финансовое состояние.

– А как долго мне еще лечиться? – решил уточнить я.

Старуха подошла, приподняла мою голову и пристально посмотрела в глаза.

– Да вот завтра можно уже и более активно шевелиться. Но пару дён еще надо поопасаться. А сегодня вообще больше лежать.

– Хорошо, мадам, я выполню все ваши требования. – От моих слов бабуля даже засмушалась. – Только вот что-то с памятью у меня плохо, я не помню все, что было до вчерашнего дня, и это меня пугает, – начал я разрабатывать свою легенду.

Старуха покачала головой и развела руками.

– Тут я не помогу. Удар был очень сильный, как еще кости выдержали, и голову не пробило совсем! Со временем, я думаю, память вернется, но честно скажу, что бывает поразному.

И она, как-то ссутулившись, повернулась, чтобы уйти.

– Э... бабушка Ингри, ты это куда собралась? А деньги?

Я метнулся наверх, к сумкам, быстро достав кошель, вытащил серебряную монету и с десяток медяков, уже через пару мгновений стоял перед лекаркой.

– Вот это за зелья, – сказал я, протягивая медяки, – а это за лечение и беспокойство, – и я протянул серебряную монету.

Вилкул, который крутился все это время тут же, смотрел на нас, открыв рот.

– Да куда ж мне таки деньжищи-то, да и ничего я такого и

не сделала! Ты молодой, на тебе и так все быстро заживает!

– Бери, бери, бабушка, я ценю свою жизнь и здоровье, спасибо тебе!

– И тебе спасибо, господин! – поклонилась она мне.

На душе стало легко и как-то умиротворенно. Я с улыбкой посмотрел на Вилкула. Тот стоял, до сих пор открыв рот, и с удивлением смотрел на меня.

– Рот закрой, а то жук залетит! – смеясь, сказал я.

Он бочком, бочком двинулся к дому, переводя взгляд с меня на знахарку и обратно. Я так и не понял, что так потрясло парня.

После ухода знахарки я опять забрался на сеновал и предавался размышлениям. По всему выходило, что забросило меня или в параллельный мир, или глубоко в прошлое. Книжки я тоже читаю и не раз сталкивался с таким сюжетом. И видно, как раз в тот момент, когда парень, в чьем теле я сейчас нахожусь, отдал богу душу, ударившись о камень при падении с лошади, я в это же время преставился, сбитый машиной. Как и почему все это произошло, не знаю. Думаю, раз дала судьба второй шанс, будем жить – чего голову ломать. С этими мыслями я снова задремал.

Проснулся, когда солнце пересекло точку зенита и день находился во второй своей половине. Во дворе Петро распрягал лошадь и о чем-то разговаривал с Арной, и та, улыбаясь, что-то ему отвечала. Чтобы не поставить хозяев в неловкое положение – мало ли, может, они меня обсуждают, – я

громко кашлянул. Оба собеседника посмотрели в сторону сеновала. Арна, махнув рукой, пошла куда-то за дом, а Петро, взяв что-то с телеги, завернутое в холстину, полез ко мне.

– День добрый, господин! Мы со старостой и гончаром ездили коня прибрали, да шкуру с него сняли – чего добру-то пропадать. И вот что нашли-то.

И он развернул сверток, который держал в руках. В свертке была шпага или тонкий меч – я в этом роде оружия никогда не разбирался, в отличие от короткого холодного оружия, всевозможных ножей, кинжалов и стилетов, или огнестрельного оружия, которое знал досконально: все-таки за плечами высшее рязанское училище ВДВ да почти четыре года Афгана. Шпага была в простых, немного потертых ножнах безо всяких украшений, ножны крепились к ремню при помощи колец.

– Вот, – сказал Петро, – застежка лопнула, когда вы с коня сверзлись, она-то и отлетела подальше, чем вы лежали, а мы сегодня нашли.

Я немного вытащил лезвие из ножен. Неширокое, у самой гарды всего сантиметра четыре, плавно сужающееся к острию, с обоюдосторонней заточкой и витой гардой и перекрестьем, оно завораживало своей хищной красотой. По лезвию шла какая-то надпись из таких же букв, что и в грамотах.

Петро мялся, порываясь мне что-то сказать, но, видно, не решался, и это создавало какую-то неловкость.

– Так, Петро, говори, что хочешь сказать, не ходи круга-

ми, – оторвав взгляд от лезвия меча или шпаги – пока не знаю, как это назвать, – попросил я.

– Господин, ты не серчаешь, что мы коня твоего ободрали? Так пропал бы или зверье потратило бы.

– погоди, – остановил я его, – я абсолютно не в претензии и очень тебе благодарен за то, что вчера не оставил меня в поле и за... – Я замялся, не зная, как сказать. – За оружие, – решил я не конкретизировать то, что вернули мне сегодня.

– Та что вы такое говорите, как это оставить! Нельзя такое, первым делом помочь надо! – Видно было, что у Петро камень с души упал, и он заторопился. – Пойду, коня еще распрячь да попоить и в загон поставить надо.

Я махнул рукой, иди мол, а сам задумался: он что, думал, что я позарюсь на дохлого коня или деньги потребую?! Хотя кто его знает, какие тут бывают господа! Мало ли на свете самодуров и сквалыг!

Тут снова закрипела лестница на сеновал. Да сегодня у меня просто нет отбоя от посетителей! Ну и кто бы сомневался, Вилкул собственной персоной.

– Там это... – шмыгнул он носом, – Арна вашу одежду постирала и разгладила.

– Ну что же, спасибо твоей Арне, славная хозяйка будет! Вот, возьми, отнеси ей.

Я протянул ему сыр, лепешку и все остальные припасы, которые были у меня в сумке, и того как ветром сдуло.

Через некоторое время появилась и Арна, неся камзол и

рубашку.

– Вот что там было, – протянула она мне массивный серебряный перстень.

Я взял его и принялся рассматривать. Ничего особенно-го, только на печатке выгравирована почти такая же кошачья морда, как и на грамотах, и есть надпись по кругу.

– Ты можешь читать? – спросил я девушку.

– Да, могу, только не по-кентийски, – ответила она и заделась. И тут же перевела разговор на другое: – Камзол я вам вычистила и зашила, а рубашку постирала, но кровь долго была на материи и остались заметные пятна.

Осмотрев одежду, я понял, что она безнадежно испорчена.

– Скажи, – обратился я к Арне, – а где у вас здесь можно купить одежду, есть здесь какая-нибудь лавка?

– Нет, что вы, это только в городе! Вот скоро староста поедет в город, повезет с дядькой Онимом горшки на продажу, можно с ними поехать.

– Спасибо тебе, Арна.

Девчонка снова покраснела.

– Господин, я сделала все, что смогла, – пролепетала она, вся красная, и быстро ретировалась, сославшись на срочные дела.

Вечер подкрался как-то незаметно. Ужин, который приволок мне Вилкул, состоял из той же похлебки, куска сыра и лепешки, которые я раньше передал Арне. После ужина ме-

ня заставили выпить розовых капель, разбавленных водой. И я остался один.

Лежа на спине, предался размышлению, пытаюсь выстроить свою линию поведения и жизненные принципы в этом мире. Судя по отношению ко мне Петро и других жителей поселения, я не крестьянин... может, мещанин или какой-нибудь мелкопоместный дворянин. Надо найти свое место в этом мире. А раз так, то не мешало бы как можно больше узнать за него, сейчас это будет не так удивительно для окружающих, все-таки удар головой, потеря памяти и так далее, и свидетели есть.

А еще у меня стали появляться какие-то смутные воспоминания, не принадлежащие мне. Это может быть или какой-нибудь посттравматический синдром, или память прежнего владельца тела начинает проявлять себя. Надо как можно быстрее попасть в город и составить список всего необходимого: одежда, кое-какой инструмент, ну и конь, конечно — как-никак, средство передвижения.

Когда-то давно, на заре своей юности, я несколько летних каникул подрабатывал помощником пастуха в совхозе, где проживали родители моей матери. Так что ухаживать, ездить и обращаться с конем я мог, хотя, наверное, и не на должном уровне, но, как говорится, лиха беда начало. А вот обращаться со шпагой и мечом я не мог абсолютно. Да, я знал ножевой бой, как и рукопашный, в училище нам его преподавали, мог метать любой острый предмет в цель. Но корот-

кое и длинное холодное оружие – это две большие разницы, как говорят в Одессе. Многое надо узнать, многому надо научиться. По всей вероятности, придется немного тут пожить, пока не ознакомлюсь с реалиями этого мира. А там уже будем решать вопросы по мере их появления. С этими мыслями я и заснул.

Проснулся я так же, как и вчера, лишь только заалел восток... Первое, что осознал, пробудившись – это то, что меня распирало от избытка сил и жизненной энергии. Да я так себя никогда в жизни не чувствовал! Мы, рождаясь и взрослея, живем в одном и том же теле, и все, что происходит с ним и с нами, принимаем как должное. А тут старый, больной инвалид получает молодое здоровое тело, в котором ни что не болит, не тянет, не создает неприятных ощущений. Хотелось петь, смеяться и делать глупости. Спрыгнув с сеновала, я пошел к бочке, стоящей у крыльца дома, и, сняв рубашку, принялся умываться, фыркая от удовольствия. Эх, в баньку бы сейчас или даже в речке поплескаться – было бы замечательно!

Дверь дома открылась, и в проем выглянул Вилкул, за которым виднелась фигура Петро. Я улыбнулся и брызнул водой в Вилкула.

– Ааа, – заверещал тот, – холодно!

– А ты как думал! – засмеялся я. – Мастер-гончар должен по утрам холодной водой обливаться.

Вилкул на короткое время впал в задумчивость.

– Не, – протянул он, – дядька Оним так не делает! – И уже тише добавил: – Наверное.

Я захохотал от переполнявших меня чувств и продолжил водные процедуры. Из дома вышла Арна и протянула мне чистую холстину, служащую, по всей вероятности, полотенцем. Подмигнув ей, чем снова вогнал ее в краску, я принялся вытираться. Ох, как же хорошо быть молодым!

– Петро, а как мне вашего старосту увидеть.

– Так чего же! – Тот почесал затылок. – Вилкул, а ну позови дядьку Сарта!

Старостой оказался степенный мужик лет сорока пяти, с окладистой бородой и умным взглядом зеленых глаз. Народ здесь оказался малорослым, вот и староста был почти на голову ниже меня, а Петро – тот еще больше. А может, это я просто высокий, хотя и мускулатура у меня была развита пропорционально росту, я бы даже сказал, довольно сильно. Нет-нет, не Шварценеггер, однозначно, но все-таки.

– Господин Сарт, скажите, когда от вас что-то поедет в город?

Сказать, что староста был поражен – значит ничего не сказать, он был просто шокирован. Оказалось, что обращение «господин» используется только при обращении простолюдина к благородным людям. А если благородный обращается к простолюдину и хочет оказать ему уважение, используется обращение «ден», или просто называют человека по имени. Но это мне объяснили позже, а пока я смотрел на впавше-

го в ступор старосту и ничего не мог понять. Кое-как справившись с изумлением (еще бы, ведь я причислил его к благородным!), староста наконец прогромыхал, что вот как раз послезавтра и пойдет в город караван из трех телег, кстати, весь транспорт, что и был в деревушке, и он будет счастлив предложить мне место на одной из них.

А потом я еще предложил ему кое-что обговорить, с глазу на глаз, а также попутно выяснить кое-какие детали. Наша беседа растянулась часа на три, и только когда я полностью уточнил все детали предстоящего дела и согласовал порядок действий, мы с ним расстались, предварительно договорившись пока всё держать в секрете. Эти земли, на которых стояло село, раньше принадлежали графу Торву де Сакта, после его смерти наследников не оказалось. А дальние родственники от наследства отказались, так как графство было в больших долгах. Вот и отошло село к имперским землям и оказалось никому не нужным. Один раз, лет десять назад, приезжал чиновник из канцелярии императора, переписал население, назначил по новой налог на каждый год и уехал. А село с каждым годом хирело и хирело.

Расставаясь с Сартон, я также озвучил ему версию с потерей памяти от удара – что даже имени своего я не помню и что Ингри помочь мне пока не может. Староста покачал головой, глядя на меня с сожалением. Думаю, теперь по деревне пойдут пересуды, и все мои промахи и незнание простых вещей, а также вопросы, которые мне придется зада-

вать, спишут на мою травму и приключившуюся от этого потерю памяти.

Перекусив тем, что предложили, и запив все горячим травяным настоем, я решил пройтись по селению, осмотреться и просто ближе познакомиться с миром, в который попал, взяв с собой в проводники Вилкула. Проводник он был своеобразный: маленький, верткий и не замолкающий ни на минуту. Слова из него вылетали, как очередь из пулемета.

Селение состояло почти из тридцати дворов, улиц как таковых здесь не было. Дома располагались довольно далеко друг от друга, только тропки или дорожки к домам. Это были аккуратные домики, при каждом из которых имелись палисадник и небольшой сад, а на заднем дворе огороженный скотный двор (как я убедился, какую-нибудь живность здесь держали все). Селение плавно спускалось к реке. Как сказал Вилкул, называлась она Быстрая. В ней водилось много рыбы, которую ловили сетями. Правда, осенью порвалась последняя сеть, и дядька Сарт обещал купить, когда поедет в город.

С северной стороны в туманной дымке были видны горы, а с запада и востока селение окружал лес. Насколько я мог судить, природа вокруг была вполне привычной – в лесу виднелись ели и березки, в палисадниках росли кусты малины, в садах цвели яблони и вишни.

Вдоволь набродившись и посидев у речки, мы решили вернуться. Уже подходя к дому, мы слышали шум и исте-

рический крик Арны. Не сговариваясь, мы с Вилкулом бросились к дому. Когда подбежали, то перед нами предстала ужасающая картина – я даже от неожиданности растерялся. Несколько личностей, заросших бородами по самые глаза и в довольно потрепанной одежде, хозяйничали во дворе. Один из них запрягал коня Петро в телегу; слышался шум в загородке для скота – там тоже кто-то хозяйничал. Посреди двора лежал Петро, голова его была в крови, и признаков жизни он не подавал. Двое незнакомцев скрутили руки Арне. Увидев меня, они на какое-то время оторопели, чем она и попыталась воспользоваться, чтобы убежать. Но попытка была жестоко пресечена: не задумываясь, ее ударили по голове, и она упала под ноги разбойников. Вилкул рванулся к сестре, но я успел его схватить за ворот и прошипеть:

– Стой и не двигайся!

Разбойники, разглядев, что оружия у меня нет, осмелели, и один из них, тот, кто ударил Арну, вынув из ножен меч и поигрывая им, направился ко мне. Бешенство накало на меня волной, обдав жаром, но при этом не мешая трезво мыслить. Не задумываясь, я рванул навстречу приближающемуся бродяге, по пути прихватив стоящие у сеновала деревянные вилы. Разбойник, увидев то, что я делаю, даже остановился в нерешительности, только вот я останавливаться не стал. Боже, да какой там меч – руки у меня длиннее, а вилы, пусть и деревянные, но тоже метра полтора в длину! Вот и все, он даже замах не успел изобразить, как

оказался нанизан на вилы.

Я подхватил его меч, но, прекрасно понимая, что воспользоваться им я не сумею, недолго думая метнул его, как копье, во второго, у ног которого лежала Арна, и, как ни странно, попал в грудь так, что меч вышел со спины. Не останавливаясь, я рванул к тому разбойнику, что седлал лошадь. Тот, видя, что произошло с его подельниками, заверещал с перепугу и попытался убежать. Но куда там! Догнав его в два прыжка, я ударил его кулаком в затылок, вложив в удар всё свое бешенство. Что-то хрустнуло, разбойник всхлипнул и упал без движения. Из загородки для скота выползли еще двое, один держал в руках дубину, другой волок двух коз.

– А ну стоять, где стоите! – прорычал я и даже сам удивился, столько в моем голосе было непререкаемой власти.

Разбойники оторопели вначале, а потом осознав, что происходит, упали на колени и заголосили, размазывая сопли и слезы по лицу, мол, они не виноваты, их Крист заставил.

– Вилкул, а ну быстро за бабушкой Ингри и старостой! А вы стойте так и не шевелитесь, иначе убью!

Я попытался определить, жив ли Петро. Приложив пальцы к артерии на шее, почувствовал толчки – значит, жив. Поднял и перенес его в тень к сеновалу, потом подошел к Арне. Та уже пришла в себя и пыталась приподняться. Я подхватил ее на руки и понес в тень к Петро. Доверчиво прижавшись ко мне и обхватив мою шею руками девушка разрыдалась.

– Ну, ну успокойся, все закончилось, теперь все будет хорошо, – шептал я, пытаюсь успокоить ее.

Через некоторое время появились староста и знахарка. Староста прошел, посмотрел на мертвых разбойников и покачал головой.

– Вот и отгулял разбойник Крист, – сказал он. – А ведь почти три года ловили!

Тут появились еще мужики, некоторые были с вилами и топорами. Осмотрев все кругом, принялись деловито вязать оставшихся двоих разбойников. А бабуля квохтала над двумя жертвами разбоя. Жертвы уже пришли в себя, Арна перестала рыдать, а Петро пытался сфокусировать взгляд на происходившем во дворе и морщился.

Глава вторая

Проснулся я среди ночи, от ощущения какой-то тревоги. Осторожно осмотрелся вокруг, прислушиваясь. Но все было тихо и спокойно. Лежал еще, наверное, с полчаса, напрягая свои зрение и слух, но ничего не происходило, и я немного успокоился. И тут до меня дошло, что я вспомнил, кто я и что я! Вернулась память бывшего владельца моего тела! Ощущения были очень странные, я даже в какой-то момент испугался, что у меня начнется раздвоение личности. Но воспоминания были какие-то вялые, неагрессивные.

Я просто вспомнил, что я Алекс тан эль Зорга, второй сын правителя Кентийского герцогства. Я даже растерялся от осознания этого факта, но потом успокоился и расстроился немного. А все потому, что я хоть и был сыном правителя, но вот вернуться в Кентию я мог только в одном случае: если погибнет наследник или с ним что-то случится, и он не сможет исполнять обязанности правителя. По законам престолонаследия младшие сыновья правителя после достижения ими восемнадцати лет должны были покинуть Кентию, невзирая ни на что...

Просто пятьсот лет назад в Кентии произошла война между старшим и младшим братом за престол и титул. Вернее, война разгорелась даже не между братьями, а между аристократами, поддерживающими сторону того или другого брата.

Отец, правитель Кентии, случайно погиб на охоте, а наследника еще не объявляли, так как ни один из братьев не достиг шестнадцати лет. Вот тут и началось. Вроде бы по правилам старший брат должен сесть на престол, но некоторые стали убеждать младшего в том, что он имеет точно такие же права. Война была страшной: погибали целые роды, и, когда Кентия достаточно ослабла, вмешались другие королевства, граничащие с ней. Всем хотелось откусить ее плодородных земель, а больше всего – захватить единственные на континенте золотой и серебряный рудники, находившиеся во владении Кентийского герцогства. К тому времени оба брата, претендовавшие на правление, уже были убиты, и война шла по инерции: сводились старые счеты, обиды и кровная месть.

Мои предки относились к так называемой «партии непримкнувших», которые не встали ни на одну из сторон в этой войне, поняв, чем может обернуться для кентийцев потеря не только рудников, но и свободы. А рудники эти тогда принадлежали моему роду и роду бывшего правителя...

В Кентии начали организовывать сопротивление и отпор захватчикам. И снова по ее земле полилась кровь, а ослабевшая в гражданской войне страна не могла оказать достойного сопротивления – ее оборону задавили просто численностью войск и солдат.

Война шла без малого еще три года, но рано или поздно войны заканчиваются и наступает мир. Наступил он и в Кентии. И вот тогда на совете старших рода и был принят закон

о престолонаследии, где говорилось, что наследник объявляется сразу же после рождения, а младшие братья, если таковые будут, по достижении восемнадцати лет покидают пределы герцогства и вольны жить по своему разумению. Перед расставанием им вручалась небольшая сумма денег, грамоты, удостоверяющие личность, и всё – дальше они должны были выживать сами. Они могли заниматься чем захотят: торговать, идти в наемники или служить в армии соседних королевств или империй, просто путешествовать...

Вот так и я вынужден был покинуть дом и родных... Конечно, очень хотелось и на мир посмотреть – кому в восемнадцать лет не хотелось бы попутешествовать! Да и все разговоры о небольшой сумме, которая выдается младшим – только разговоры, ведь я имею право в любом кентийском посольстве взять необходимые средства. А на мою свадьбу, если таковая случится, приедут все мои родственники, кроме отца и наследника. Оказывается, те браслеты, что я видел в переметной сумке – это свадебные браслеты для меня и моей будущей избранницы. А если я и не могу вернуться в Кентию, то мои дети обязаны. Обычно после достижения ими пятилетнего возраста за ними приезжали представители рода, и дети отправлялись в Кентию, где их обучали согласно их предпочтениям и склонностям. Воинскому же искусству обучали всех – кентийцы лучшие воины на этой планете. Конечно, в этом не последнюю роль сыграли присущие им рост, сила и скорость реакции, но еще и воинский дух, а также

чувство самопожертвования. И вот еще одна особенность: рождаясь от разных матерей, дети тем не менее несли в себе все признаки кентийцев – по сути, особый генотип, доминантный по отношению к другим народам и народностям.

Правда, кентийцев не очень любили, а кое-где даже презирали. И мы не оставались в долгу и относились ко всем точно так же. Но это не мешало власти имущим нанимать нас в охрану королей, герцогов и графов. В остальных случаях кентийцы были нечастыми гостями в других землях, и купцов среди нас было немного – в основном за товаром ехали к нам. После той Большой войны территория Кентийского королевства уменьшилась втрое, и оно стало герцогством – независимым, самостоятельным, но маленьким. На рудниках пришлось создавать концессию, куда вошли все крупные государства континента. Правда, Кентийское герцогство имело сорок процентов от добытого, а остальные по пятнадцать, но все это ударило по благосостоянию герцогства, и по сути мы сейчас были небогатым, но очень гордым народом.

За все эти пятьсот лет, что прошли после войны, я был всего лишь четвертым сыном правителя, которому пришлось покинуть Кентию. По сути, изгоем, как ни пытайся все это приукрасить... Хотя многие в герцогстве, наверное, вздохнули с облегчением, когда я уехал – уж очень мой реципиент был заносчив, нагл и беспринципен. Парнишка был сам по себе незлой, но обида оттого, что его скоро просто выгонят из дому, реально портила его характер.

От воспоминаний и мыслей разболелась голова, и я попытался уснуть, что мне и удалось спустя какое-то время. Сегодня мы уезжали, я проснулся, когда на небе только начали гаснуть звезды, и лежал, думая о том, что надо сделать, что следует купить и вообще о том, как жить. Во дворе скрипнула дверь дома, и я приподнялся, чтобы глянуть, что там. Из дома вышел Петро с перевязанной головой и направился в загородку для скота, стал выводить лошадь и запрягать ее в телегу. Я тоже прыгнул с сеновала и принялся плескаться в бочке у крыльца. Затем, побросав в повозку седло и переметные сумки, я стал ожидать, когда соберется Петро. Набросав в телегу соломы, мы наконец выехали, помахав на прощанье домочадцам.

Ехало нас шестеро человек на трех телегах, не считая двух вчерашних разбойников. В одной телеге, переложенные соломой, лежали горшки, плошки и другая глиняная посуда. Легкий утренний ветерок изредка шевелил ветки деревьев, на востоке край неба заалел, предвещая скорый восход солнца.

Начинался для меня новый день в этом мире. Дорога в город пролетела незаметно, да и оказалось, что до города всего полтора дня пути, если на лошади, а пешком почти двое суток.

А еще я все спрашивал и спрашивал. Вначале все сопровождающие караван с удовольствием отвечали на мои вопросы, но к концу дня энтузиазма у них поубавилось. И все ста-

рались под тем или иным предлогом оказаться от меня подальше. Мне дали неплохое образование для того времени, но что я мог знать о повседневной жизни другого государства, находящегося на расстоянии почти месяца пути! Дольше всех продержался староста, и только когда показались стены города, он сбежал, сославшись на дела.

На въезде в город стояли стражники, но плату за въезд не брали, а просто следили за порядком. Недолго думая староста сдал им двоих разбойников, рассказав, что произошло и как их пленили. Десятник слушал его очень внимательно, периодически кидая взгляды в мою сторону. Один из стражников стал обниматься с нашим возничим.

– Сын Зосимы, – шепнул мне Петро, оказавшись рядом.

Сзади слышались недовольные возгласы, нас стали поторапливать, и им пришлось расстаться.

– Отец, я зайду, как сменюсь! – прокричал стражник нам вслед.

Постоялый двор встретил нас запахом пряных трав, готовящейся пищи и чего-то еще, но все вместе это создавало приятный аромат. Староста поклонился встретившей нас симпатичной, полненькой женщине лет тридцати пяти. Она была вся такая пухленькая, румяная и какая-то домашняя, что я невольно вспомнил свою жену, и сердце болезненно сжалось. Переговорив со старостой, она показала на навес, приткнувшийся к зданию постоялого двора, и направилась ко мне. Подойдя она улыбнулась, что сделало ее еще более

привлекательной.

— Господин, снять просто комнату у меня стоит два медяка, и четыре медяка полный пансион: это жилье, завтрак и ужин. Если что-то вас не устроит, то у нас есть еще один постоянный двор, он находится у южных ворот, — глядя на меня снизу вверх, сказала она, не переставая улыбаться.

— Нет, пока меня все устраивает, — улыбнулся я в ответ, — а там посмотрим.

— Только одно условие, — глядя уже строже и перестав улыбаться, продолжила она. — Подавальщиц не трогать и юбки им не задирать. Для этих утех существует дом мадам Аффелии.

Я засмеялся:

— Как скажете, мадам.

— Ну тогда, Эрих, покажи господину комнаты! — прокричала она и, повернувшись, направилась в здание.

Ко мне подскочил вихрастый подросток, который до этого помогал селянам расставить телеги под навесом, и, изобразив поклон, попросил следовать за ним.

В обеденном зале народу было немного, мы поднялись по лестнице на второй этаж. Комната была небольшая, но светлая, с минимумом обстановки. В углу стояли кровать, небольшой стол и стул, у двери находился таз на подставке, заменяющий умывальник.

— Ну что ж, мне все подходит, — с этими словами я бросил сумки на кровать. В это время в дверь постучались и в ком-

нату вошли, староста и Петро, внесли седло и уздечку.

– О как хорошо, что вы зашли, ден Сарт. Я вечером хочу накрыть стол для мужиков и хотел бы с вами кое-что обговорить.

– Что накрыть? – не понял словосочетания староста.

– Хочу выставить выпивку и закуску, – пояснил я.

По лицу старосты было видно что он очень доволен, но для приличия все-таки стал отказываться, мол, незачем вводить себя в растраты. Но меня уже не интересовало его мнение, так как я просто ставил его в известность, а не согласовывал свои действия. Просто надо было выяснить количество выпивки, чтобы никто не напился и завтра все спокойно могли заниматься тем, для чего приехали в город.

Определились, что следует поставить по кувшину пива на брата – и захмелеют, и пьяных не будет. Спустившись вниз, я стал согласовывать количество блюд и пива к наметившимся посиделкам. Пока согласовывали, я снял пробу с пива. Очень даже ничего, я бы даже сказал, отличное пиво, чем-то напоминающее «Бархатное Жигулевское», только чуть крепче. Все это мне обошлось в десять медных монет. Рассчитавшись за сегодняшний ужин и за комнату, оплатив ее на три дня, я решил посмотреть город и заглянуть на рынок.

Можно сказать, что город на меня впечатления не произвел. Узкие, правда, чистые, улочки, одноэтажные дома, и лишь в центре набралось порядка двух десятков двухэтажных и даже несколько трехэтажных домов, принадлежащих

местным дворянам и другим состоятельным людям. Отдельно стояло здание храма Зеи-плодоносицы, богини земли, урожая и семьи. То был основной культ этого мира. Правда, еще кентийцы поклонялись духам своих предков, и в каждом доме находился алтарь и хранился прах пращуров (в Кентии сжигали умерших, а пепел хранили в склепах, в специальных сосудах).

Город казался вымершим, и только в районе базара еще слышался какой-то шум и мелькали силуэты. На рынке оказалось, что я умею читать на общеимперском: первая же вывеска, которую я встретил, сказала мне, что это лавка оружейника. В этом мире существовало три языка и две письменности – кентийский язык и письменность и так называемый общеимперский, а еще язык степных народов, правда, письменности своей они не имели. Просто мои предки уже жили на этом континенте, когда сюда пришел другой народ, было это очень давно, и все перипетии тех событий мало кто знает.

Внутри лавки было сумрачно и прохладно. Все стены были увешаны мечами, шпагами, арбалетами и другими всевозможными предметами, главное предназначение которых было лишение человека жизни. За прилавком находился широкоплечий мужчина, с интересом посмотревший на меня.

– Вот, не могли бы вы отремонтировать или подсказать, где это можно сделать? – спросил я, протягивая ему ремень с лопнувшей застежкой.

Тот внимательно осмотрел застежку и сделал вывод, что ее можно просто заменить. Если я подожду, то это сделают в течение получаса, стоять это будет четыре медяка, и я смогу повесить свой кентийский меч на пояс, а не носить его в руках.

– Хм... Хорошо, можете делать, вот оплата, а я пока посмотрю арсенал, – показал я на стены.

– Хорти! – прокричал хозяин куда-то в глубь лавки.

Из-за занавески, скрывающей вход в другую комнату или комнаты, вышел молодой парень.

– Что ты хотел, отец?

– Возьми и отнеси Дарти, пусть он срочно заменит пряжку.

Парень взял ремень и ушел, а мужчина, повернувшись ко мне, представился:

– Обращайтесь ко мне Коул, господин.

– Ден Коул, покажите мне вот этот кинжал.

Тот снял со стены кинжал, на который я ему указал, и протянул мне. Прекрасное лезвие, бритвенная заточка и удобная рукоять – то, что нужно. Еще я попросил показать метательные ножи. Коул нагнулся и вытащил из-под прилавка перевязь с метательными ножами.

– Вот, можете испробовать, – показал он на противоположную стену.

Приглядевшись, я рассмотрел доску, уже имеющую множество отметин, и не задумываясь стал метать ножи. Легли

они в самый центр и очень кучно, прямо впритирку один к одному. Хозяин лавки поцокал языком, выражая свое восхищение.

– Прекрасно, молодой человек, просто великолепно!

Для бывшего офицера-десантника это тоже был великолепный результат, а вот для кентийца он был обыкновенным, но тем не менее похвала была мне приятна.

– Что же, – подвел я итог, – я беру этот кинжал и ножи. Сколько с меня?

Я уже был просвещен в монетарной политике империи и был удивлен озвученной суммой в пять серебряных монет. Пока торговался и расплачивался, принесли пояс. Я сразу же надел его, нацепив меч и кинжал. Новая застежка была более массивная и обещала сломаться не скоро.

Полностью экипировавшись и надев перевязь с метательными ножами под камзол, я покинул лавку оружейника.

Следующей я посетил лавку портного, так как надо было поменять испорченную одежду, да и иметь всего две рубашки как-то было некомфортно. В отличие от предыдущей, в лавке портного было светло и приятно пахло. Когда я спросил хозяина, можно ли у них приобрести то, в чем я нуждался, он замахал руками.

– Что вы, что вы, молодой человек у нас практически не бывает готового платья, тем более на такого здоровяка, как вы!

Тогда я поинтересовался, как долго будет выполняться

мой заказ. Меня клятвенно заверили, что всего два дня.

– Ну что же, – решил я, – приступайте.

Тут же были вызваны три девушки, которые молча устались на меня, и только после окрика, что надо работать, а не разглядывать клиента, окружили меня и принялись измерять руки, ноги, объем груди, талии и так далее, делая заметки на листочках бумаги. Я все это стоически перенес, после чего мне предложили образцы материала и шитья.

Заказал я камзол и бриджи из коричневого сукна, а также синюю и красную рубашки из тонкого материала и белую шелковую – так сказать, на выход. Потом я попросил лист бумаги и перо, и когда все это принесли, попытался изобразить на бумаге обыкновенные семейные трусы. Да, обыкновенные семейные трусы, ведь тут вместо нижнего белья использовали простой кусок ткани, обматывая им бедра и завязывая концы ткани на узел. Так как резинок здесь еще не знали, я пририсовал гульфик и пуговицы, попутно объясняя портному, что это и зачем, показав на себе, какой длины они должны быть. Дорисовав по бокам разрезы, я получил что-то напоминающее спортивные трусы. Хозяин лавки, с интересом заглядывающий мне через плечо, после объяснения согласился все это выполнить. Заказал я таких предметов одежды аж целых пять штук, отдав за весь заказ три серебряные монеты и двадцать медяков.

Деньги просто испарялись, вроде бы они пока у меня имелись в достатке, но ведь дохода нет, а только траты, и ведь

это только начало. Выйдя от портного, я увидел что уже начало вечереть, и решил остальные покупки продолжить завтра, вернулся на постоялый двор. Интересно, во сколько мне выльется то, что я задумал?

Пока дошел, на небе стали появляться уже первые звезды. Заведение мадам Марты встретило меня приглушенным шумом и запахом свежего, только что открытого пива. Зал был заполнен наполовину, в дальнем углу, поближе к стойке, у двух сдвинутых столов крутились Сарт и остальные селяне.

Все, как я понял, было готово, и ждали только меня. Увидев меня, мужики как один радостно заулыбались: ну еще бы, кто не любит выпить на халяву, да еще закусить хорошенько! А так как шел последний месяц весны, то с продуктами в селе было уже неважно, тем более что в прошлом году урожая собрали меньше, чем всегда, из-за засухи. Сарт как раз ехал в город, чтобы просить помощи у бургомистра, а так как земли принадлежали короне, то помочь ему были обязаны. Правда, вернуть помощь надо было с нового урожая, но при этом вдвое больше. Поэтому, переговорив с ним, мы решили пока к бургомистру не обращаться: я немного помогу селу, они в дальнейшем просто отработают, ну а дальше видно будет.

Вокруг столов еще носились подавальщицы, что-то поправляя и внося последние штрихи в расстановку блюд, а за ними внимательно следила хозяйка. Как я уже говорил, звали ее Марта, и постоялый двор ее носил название «Добрая

вдова». Услышав его, я смеялся несколько минут, а окружающие смотрели на меня с удивлением, не понимая, что такого смешного я услышал.

Тут я еще увидел, что к одному из наших возчиков, Зосиме, пришел сын, стражник. Вот надо же — я забыл о нем! Надо срочно исправить положение, а то ведь как-то не людски будет, если отправить парня домой или, усадив с нами, заставить оплатить свой ужин.

Махнул хозяйке, подзывая, попросил добавить пива, и остального, еще на одного человека.

— Не волнуйтесь господин, я уже все приготовила. Я давно знаю Сарта, еще с того времени, когда он служил десятником в городской страже. Поэтому и разрешаю им спать у меня под навесом и пользоваться очагом без оплаты, а они то посудой рассчитаются, так как она часто бьется, то по осени продуктами, да иногда дров нарубят или что по хозяйству помогут, тяжело женщине одной...

И она стрельнула в меня кокетливым взглядом.

Посидели мы славно, не столько было выпито, сколько переговорено. Я поблагодарил Петро за оказанную мне помощь и сказал, что это только маленькая толика моей благодарности. Посидев для порядка и плотно поужинав, я отправился в свою комнату. В первую очередь надо было наедине разобраться с теми предметами и грамотами, что имели надписи. Достав ларец, я вынул из него грамоты и принялся читать.

В одной говорилось, что податель сего документа Алехтан эль Зорга является кентийским графом по праву рождения. Короче, по всей вероятности, это была местная разновидность паспорта.

Вторая грамота по сути являлась рекомендательным письмом к императору Альторну Второму, с просьбой, если я обращусь к нему, использовать меня по своему усмотрению.

Перстень являл собой отличительный знак моей принадлежности к дворянскому сословию, а также являлся личной печатью. По кругу шла надпись «граф эль Зорга», а в центре красовалась оскаленная морда тарга – самого сильного зверя в наших кентийских горах.

Вытащив меч, я прочел и ту надпись, что шла по лезвию клинка: «Честь превыше всего» – это был девиз нашего рода.

Уложив все обратно и упаковав, я решил лечь спать. Правда, заснуть долго не мог, ворочался и думал, снова ворочался и снова думал. Как оно тут сложится? Являясь хорошим инженером, да и офицером неплохим, я бы мог многое принести в этот мир... Но будет ли это востребовано? Человеческая лень и инертность мышления всегда замедляли процесс технической эволюции, а зачастую являлись и антагонистами этого процесса... Хотя и жизнь в империи я начинаю не с низкого, так сказать, старта и не простолюдином, а графом, пусть и другого государства. Но все равно на душе было тревожно.

Проснулся, когда солнце уже встало. Поплескавшись в та-

зу, изображающем умывальник, спустился вниз. Не успел еще сесть за стол, как подлетела хорошенькая подавальщица и, с любопытством глядя на меня, затараторила, что есть на завтрак – прям ходячее меню. Выбрал яичницу из трех яиц на сале и горячий травяной напиток.

Все то время, что я находился в этом мире и новом теле, я испытывал какую-то эйфорию и постоянное приподнятое настроение. Поэтому, позавтракав, улыбнувшись и поблагодарив подавальщицу, кивнул Марте и отправился на рынок. В отличие от вчерашнего дня, там было шумно, везде снова-ли покупатели, мелкие торговцы-лоточники, какие-то оборванцы и просто обыватели. Воздух был полон запахов цветов, немытых тел, пота, гнили, пряных приправ и еще черт знает чего, и все эти ароматы сливались в один, который проридил до слез.

Стараясь как можно меньше обращать внимание на эту смесь шума и запаха, я двигался в направлении участка, где продавалась живность. Кони были – не сказать что много, но по крайней мере выбрать было из чего. Мне приглянулся рыжий трехлетка по кличке Ветерок, уже объезженный под седло и, как сказал купец, что его продавал, быстрый и очень спокойный конь. Такой, какой мне и нужен. Я не считал себя супернаездником и с необъезженным буйным конем хрен бы справился. Обговорив всё с продавцом и отдав задаток в одну серебрушку, я договорился, что он пригонит коня к вечеру на постоянный двор, где и произойдет окончательный

расчет.

Теперь ищем книжную лавку: нужна бумага и перо или карандаш. Последнее я найти не надеялся, так как карандашей тут еще не делали. Поплутав по рынку, я наконец уперся в лавку, где на вывеске были нарисованы перо, книга и свиток. Лавка была небольшая, вся заваленная свитками, книгами; отдельно лежали гусиные перья и стояли склянки с чернилами. За прилавком стоял маленький тщедушный старик и непонимающе смотрел на меня.

– Вы, наверное, ошиблись, здесь только книги и старые свитки, – проскрипел он.

– Ну, может, и ошибся, если не найду того, что мне надо, – сказал я, продвигаясь к прилавку. – Покажите мне бумагу и хорошие перья, а также чернила.

Старик подозрительно посмотрел на меня.

– Вы берете для себя или для писаря? – снова проскрипел он.

– А какая разница?

– Ну, обычно средства для письма выбирают те, кто и будет писать, – нагибаясь под прилавок, продолжал он. – Вот, смотрите. – И он положил передо мной несколько листов плотной, чуть сероватой бумаги отвратительного качества.

Отобрав с десятков листов, я поинтересовался ценой и чуть не упал: медяк за пару листов! Ничего себе!

– Старик, да ты, никак, решил ограбить покупателя! Или просто перепутал лавку с проезжей дорогой, где ты, видать,

до этого и подрабатывал?

Старик не на шутку испугался и замахал руками.

— Что вы, что вы, господин, такое говорите! Тут везде такие цены!

Еще попрепиравшись с продавцом и выбрав перья и чернила, я вышел из лавки. Оказывается, быть грамотным здесь было недешево.

Решил глянуть, как там селяне, как у них идет торг. А после надо идти — мне еще много писать, вернее, чертить, а как я справлюсь с этими перьями, не знаю.

По сути, программу минимум я выполнил, пора переходить к программе максимум. А для этого мне нужны были староста Сарт и бургомистр. А еще хороший кузнец, а лучше два или даже три кузнеца, чтобы секрет сохранился дольше. Вот я и отправился в ту часть рынка, где торговали приезжие и не имеющие постоянного места для торговли.

Уже на подходе услышал шум и ругань, а также увидел толпу ротозеев, обступивших место, откуда это доносилось. Пробравшись поближе, я с удивлением увидел, что какие-то люди держат Сарта за руки, а один, с серьгой в ухе, стоит перед ним и что-то негромко говорит. Кое-где валялись битые черепки, бывшие некогда какими-то гончарными изделиями.

Селяне, сбившись в кучку, с испугом взирали на личностей, стоящих перед ними и помахивающих палками, зажатыми в руках. Видно, надо вмешаться. Еще когда только

подъезжали в городе, я выкупил всю посуду у Онима, и сейчас, по сути, он продавал мой товар. Сделка была совершенна при свидетелях, и деньги перешли из рук в руки. Так что если это лежали черепки «моей» посуды, я был вправе даже убить того, кто нанес мне материальный ущерб. Но прежде надо разобраться – мало ли что.

– Ден Сарт, что здесь происходит? – задал я вопрос, обращаясь к старосте и входя в круг, образованный любопытными. Тот, что стоял перед Сартом, резко развернулся и смерил меня взглядом.

– А ты кто такой, чтобы вмешиваться в разговор? – ощерился он.

Даже то, что у меня на поясе находился меч, не имеющий печати и говоривший о том, что я дворянин, не произвело на него впечатления. Да они тут что, совсем непуганные?! Даже такое непочтительное обращение – это уже оскорбление дворянина словом, и это минимум плети для этого чудака. Чуть помолчав, я повторил:

– Ден Сарт, я тебе задал вопрос – что здесь происходит?

– Господин, – ответил староста, старательно мне кланясь, – вот пришли и требуют налог.

– Ты заплатил рыночный сбор?

– Да, господин, – снова поклонился он.

– А налог с продажи?

– Да, господин, – ответил Сарт.

– Так кто ты и какой налог ты тут требуешь и при этом

позволяешь себе бить мою посуду? – повернулся я к незнакомцу.

Если бы голосом можно было заморозить, то на десяток метров вокруг меня, наверное, была бы ледяная пустыня. Даже зеваки, образовавшие круг, попятились. Чтобы усилить эффект, я положил руку на рукоятку меча и чуть вытащил его из ножен. Незнакомец попятился, выставив перед собой руки.

– Господин, это не я придумал, – немного заикаясь, проговорил он.

Такая резкая смена его поведения вызвала смешки в толпе.

– Все тут знают меня как Шило, а налог решили брать серьезные люди нашего города, гарантируя за это сохранность товара и спокойствие в торговле.

– И это такая сохранность товара? – показал я рукой на черепки. – В общем так, в счет компенсации причиненных мне материальных и моральных убытков, а также в назидание тебе и «серьезным людям», принесешь вечером на постоянный двор «Добрая вдова» деньги в сумме двух серебрушек.

Толпа, окружавшая нас, ахнула: ну еще бы, две серебрушки – очень солидные деньги! Шило стоял бледный и растерянный, но мне было глубоко фиолетово на его состояние. Кивнув Сарту, чтобы шел за мной, я стал выбираться из толпы, которая почтительно передо мной расступилась.

Уже по дороге, отойдя от происшествия, Сарт начал рассказывать. После того как в городе сменился бургомистр и начальник стражи, начали происходить странные вещи. Ночная гильдия (сообщество воров, нищих и других антисоциальных элементов) начала обкладывать торговцев данью. Тех, кто отказывался платить, избивали неизвестные, у самых строптивых горели лавки с товаром, а в самом крайнем случае – дома.

Обращения в стражу и к бургомистру ничего не давали, следствие проводилось, но никого не находили. Несколько раз, правда, задерживали нищих и бродяг, но, как оказывалось, они недавно появились в городе. Вот на них и вешали все безобразия, отправляя на каторгу. Я внутренне усмехнулся: все старо как мир. И оказывается, слияние криминала и чиновничества, а также рэкет изобрели не в наши смутные девяностые и не в Америке тридцатых, а значительно раньше.

В мэрии нас отправили к начальнику канцелярии, который, выслушав меня, вызвал клерка и отправил того готовить документы. Я представился как Алекс эль Зорга, что вызвало небольшую заминку и любопытный взгляд начальника канцелярии. Но документов, подтверждающих мою личность, никто не потребовал, и не только потому, чтобы не оскорбить дворянина недоверием: мне кажется, назовись я даже Васей Пупкиным, всем было бы без разницы. Деньги в моем случае оплачивались сразу и за товар, и за налог, а

там что у меня выгорит, никого не волнует.

У Сарта тоже по осени налог увеличится, и оплатить его придется только деньгами. Так что через час я держал в руках два договора, о том что я Алекс эль Зорга покупаю у короны двести стволов деревьев на корню и оплачиваю за это пять серебряных монет. А второй что староста села Придорожное обязуется распилить мне эти стволы на доски и получает за эту работу три серебряные монеты. Свидетелем договора выступала мэрия. И через две недели должен будет приехать в село чиновник оттуда и выбрать деревья для вырубki, а также поприисутствовать при работе.

Выйдя из мэрии, мы с Сартom разошлись. Он вернулся на рынок, а я поспешил на постоялый двор, у меня была еще масса дел и все срочные.

Глава третья

После трех часов мучений я скептически посмотрел на то, что красовалось на бумаге, и усмехнулся. Начинать надо было с металлических перьев. Потом подумал и, отрезав от одного из листов половину, принялся рисовать перо, таким, как я его помню. Закончив, свернул бумаги в рулон и отправился к южным воротам – по сведениям, там располагались мастерские кузнецов.

В одной, когда я показал чертеж, у меня долго выпрашивали, что это и для чего. Сослался на то, что и сам не знаю, а просто выполняю просьбу родственника. Заказ взяли, но потребовали оплатить его полностью, так как металла надо много и придется срочно докупать. Итого пятьдесят медяков. Сделать пообещали за два дня.

Следующий заказ стоил мне тридцать медяков и те же два дня на изготовление.

В третьей кузнице тоже тридцать медяков и один день на работы.

Выдохнув с облегчением, достал последний листок и, спросив, кто здесь выполняет мелкие и точные работы, направился в указанном мне направлении.

На вывеске было написано: «Мастер Ларт – златокузнец, работы по золоту, серебру, металлу и не только». Внутри меня встретил парень, по виду мой ровесник. На мой вопрос,

где я бы мог видеть мастера Ларта, он замялся а потом ответил, что он и есть мастер, при этом взгляд его стал каким-то потухшим и разочарованным. Меня это удивило: мастер в таком возрасте! Но я постарался не показать охвативших меня сомнений и протянул парню лист с чертежом пера.

– Посмотрите, мастер, на этот рисунок и скажите, вы могли бы это изготовить?

Парень выхватил у меня из рук лист бумаги и принялся его разглядывать. После довольно продолжительной паузы спросил:

– Скажите, а какова истинная толщина изделия? Здесь не указано.

Так как бумага, на которой находился рисунок, была довольно плотная, я сложил ее вдвое и продемонстрировал Ларту.

– Не толще этого.

Парень помолчал, отстраненно глядя в окно, снова посмотрел на рисунок и, не отрывая взгляда от него, произнес:

– Я сделаю это, прямо сейчас и начну.

– Мне надо не одну штуку, а несколько, и хотелось бы знать, сколько это будет стоить, и еще изделие должно быть жестким.

Парень подумал.

– Я смогу закалить его после изготовления. Знаете что, придите завтра утром, я смогу изготовить к этому сроку одну, вы его испробуете, и, если понравится, поговорим о цене.

Я улыбнулся.

– Договорились, мастер Ларт.

Выйдя из мастерской, я увидел, что солнце село и на город опускается вечерняя прохлада. Дойдя до постоянного двора, заглянул под навес, где ютились селяне. Те, уже поужинав и развалившись возле телег, о чем-то негромко беседовали. При виде меня вскочили и начали вразнобой кланяться.

– Это еще что такое! – опешил я. – А ну прекратить. Ден Сарт, ты все сделал, о чем договаривались?

– Да, вот, можете посмотреть, – откинул он ряднину на одной из повозок.

Я увидел там аккуратно сложенные двуручные пилы, топоры и другой плотницкий и столярный инструмент.

– Привели коня, – продолжал тем временем староста, – стоит в конюшне, а купец ждет вас в обеденном зале.

В обеденном зале было шумно, народу заметно прибавилось, по сравнению со вчерашним днем. Купец сидел на том же месте, где вчера сидели мы, и неспеша ужинал. Кивнув ему, я сел напротив. Вдохнув запахи обеденного зала, почувствовал, как проголодался: пахло жареным мясом, сдобными пирогами и пивом. Желудок мой болезненно сжался и предательски заурчал. Ну еще бы – не ел целый день! Только уселся, как та же подавальщица, что и утром, начала озвучивать то, что есть на ужин. Прервав ее движением руки, попросил принести кашу с мясом и кружку кислого молока с пирогом.

– И неси побыстрее, а то если будешь медлить, то и тебя съем, – улыбаясь, сказал я.

подавальщица хмыкнула.

– Меня не надо, я и для другого могу пригодиться, – нахально улыбаясь, ответила та и повела плечами.

От этого движения ее грудь под тонкой рубашкой тяжело колыхнулась, а меня прошиб пот, и внизу живота все напряглось. В восемнадцать лет инстинкты никуда не денешь, и бороться с ними тяжело.

Купец сидел и, улыбаясь, слушал нашу пикировку. Я достал четыре серебряные монеты и положил на стол перед ним, тот сгреб их со стола и сунул в карман.

– Я завтра хотел бы купить двух лошадей с повозками и приученных к упряжи.

Купец допил пиво, кивнул мне и поднялся из-за стола.

– Хорошо, – сказал он и, поклонившись мне, вышел.

Съев принесенный мне ужин, я еще какое-то время сидел, наслаждаясь сытостью и спокойствием, потом подозвал подавальщицу и попросил ее принести кусок лепешки, посыпанный солью, и, если есть, пару морковок. Надо пойти познакомиться с конем, ну и угостить его – пусть привыкает к новому хозяину.

На улице в это время совсем уже стемнело, сверкали звезды и огромным светло-желтым пятном светила луна. Мой Ветерок стоял в отдельной загородке, косясь на меня и шумно вздыхая. Подойдя, я протянул ему лепешку. Он тихонько

фыркнул и, вытянув шею, осторожно губами взял ее с моей ладони, принялся жевать. Потом пришел черед морковки.

Проснулся я снова, когда только заалел восток. Поняв, что спать я не хочу и уже не буду, встал, умылся и одевшись вышел во двор. А во дворе ползали, как сонные мухи, селяне, что-то перекладывая в телегах и тихо переговариваясь. Подозвав Сарта, я сказал ему, что договорился с купцом о покупке двух телег и коней, а вот контроль и отбор всего этого, а также дальнейшее обслуживание повозок и уход за животными лежат на нем.

Какое-то неясное чувство тревожило меня с момента пробуждения. Сам не осознавая, что делаю, я снял камзол и рубашку и, оставшись в одних штанах и сапогах, принялся делать разминочный комплекс. Затем, достав меч, встал в стойку: левая нога вперед, правая рука с мечом согнута в локте и отведена назад, в левой руке кинжал обратным хватом.

А потом я начал танец – по-другому то, что я делал, назвать не могу. Вначале движения были медленные и плавно перетекающие одно в другое, затем я начал непроизвольно ускоряться. Я сражался с невидимым противником: нет, не с одним, их было несколько, но что это им могло дать! Я не замечал ничего вокруг, делая почти танцевальные па под неслышную музыку: здесь были только я и меч, змеей обвинявший меня, словно сталь в одночасье превратилась в гибкую резиновую полосу.

Сколько времени прошло, я не знаю, и танец мой закон-

чился так же резко, как и начался. Я стоял на одном колене, разведя руки в стороны и поражая воображаемого противника. Все возможные цели поражены, можно остановиться.

Все эти действия настолько захватили меня, что я просто выпал на какое-то время из действительности и сейчас медленно приходил в себя. Тело было обильно покрыто потом, а вот дыхание было спокойным и размеренным. Страхнув с себя наваждение, вызванное танцем с мечом, я, направляясь к колодцу, чтобы смыть пот, обратил внимание, что во дворе я был не один. Под навесом кучковались селяне, а на крыльце, казалось, собрались почти все постояльцы и работники постоялого двора во главе с Мартой.

Да, устроил представление, ну да что теперь делать! Махнув рукой Сарту, чтобы полил воды, я принялся обмываться, фыркая и охая от удовольствия.

– Господин, скажи, что это было? – как-то неуверенно спросил он.

– У нас это зовется «вьюгой смерти», – всплыло в памяти название того, что я недавно продемонстрировал и что вбивали в меня, вернее, в Алекса с четырех лет наставники и учителя.

– Но как! Ведь говорят, что этот комплекс утерян и обучение ему невозможно, так как никто не знает методики обучения!

– Ну не знаю, у нас этому обучают не всех, а только тех, кто сможет этому научиться. Что тебя так удивило? – спро-

сил я...

– Тебя не было видно, вернее, размазанная тень появлялась то там, то здесь. Лишь иногда ты застывал, окруженный коконом сверкающей стали и шипением разрезаемого мечом и кинжалом воздуха, а затем снова размазывался в воздухе. Я пятнадцать лет прослужил в армии, а потом еще пять лет в страже, много чего повидал, но такое вижу впервые.

Закончив водные процедуры, я принялся растираться по-данному мне куском полотна, а затем, накинув рубашку и камзол, двинулся в обеденный зал. Есть хотелось очень сильно: видать, мои занятия на свежем воздухе пробудили просто сумасшедший аппетит. Подавальщица крутилась у барной стойки, о чем-то переговариваясь с Мартой.

Я уже выяснил, что ее зовут Линика, что значит цветок. Цветочек и вправду был очень даже ничего, и даже в меру нахальный. Не успел я присесть за стол, как она тут же подскочила и начала смахивать со стола несуществующие крошки, при этом наклоняясь так низко, что в вырез рубашки я увидел всю ее немаленькую грудь. Она приподняла голову и, глядя мне в глаза, спросила:

– Чего желает господин?

Мое тело моментально отреагировало на провокацию: вот же зараза, а не девка! Она что, и вправду хочет затащить меня в свою постель, или просто испытывает, как действуют ее чары на противоположный пол?

– Господин желает позавтракать, – после небольшой за-

минки сказал я.

«Интересно, имел ли прежний владелец тела близкие отношения с женщинами? — думал я, завороченно глядя, как удаляется Линика, покачивая бедрами. — Скорей всего, нет, уж очень резко тело реагирует». И тут же получил ответ из подсознания: нет, не имел. В Кентии вообще более пуританские нравы, чем в остальных странах на континенте.

После завтрака я выпросил у Марты морковку и зашел в загородку к Ветерку. Пока тот хрумкал ею, кося на меня лиловым глазом, я гладил его шею и шептал ласковые слова.

Ну, тут вроде бы все утренние дела закончил, пора приниматься за другие. Первым делом зайду к мастеру Ларту, узнаю, что там с пером, получилось или нет.

А перо получилось на загляденье, почти такое же, как и те, какими я писал в детстве, в начальных классах, когда шариковых ручек еще не было. Достав из кармана круглую палочку, что выстрогал для меня Петро, я протянул ее Ларту и объяснил, что надо сделать. Когда все было закончено, достал из кармана склянку с чернилами и на обратной стороне чертежа с пером написал несколько слов по-русски.

Перо писало прекрасно, при нажатии увеличивая толщину черты и делая тонкую соединительную линию. Рядом приплясывал от нетерпения Ларт, я протянул ему ручку и предложил попробовать. О, сколько было восторгов! Когда он немного успокоился, я предложил ему обсудить наше дальнейшее сотрудничество.

– Вот посмотри, мастер, если сделать форму по размеру пера, с острыми краями, то можно, просто ударив по обратной стороне формы молотком, с одного раза вырубать изделие, потом изготовить форму и изгибать в ней перо, так как нам надо после этого его закалить. Отработав технологию, можно поставить трех разных человек делать все это. Это значительно увеличит количество изделий и уменьшит их себестоимость. У меня много задумок, которые могли бы принести нам с тобой немалые дивиденды. Но все это возможно только при соблюдении коммерческой тайны до определенного времени.

Ларт и половины того, что я сказал, не понял, хотя сам процесс ухватил сразу. Пришлось объяснять, что такое технология, себестоимость, а также коммерческая тайна. Когда ликбез закончился, Ларт стал очень серьезным и, приложив руку к сердцу, сказал:

– Господин Алекс, я клянусь выполнять все ваши указания и условия, и пусть боги станут свидетелями в этом.

– Ну что же, очень хорошо, думаю, все у нас получится, мастер Ларт.

Я заметил, что, когда я называл его мастером, Ларт смущался и краснел. Обговорив все нюансы предстоящего дела и наметив, что для этого надо, я попросил Ларта изготовить к утру следующего дня еще пару перьев и несколько рыболовных крючков, тут же нарисовав их на клочке бумаги.

Так как денег у Ларта на закупку материала не было, вы-

делил ему одну серебряную монету, и мы договорились, что в течение месяца он изготовит тысячу перьев, а вечером зайдет на постоянный двор, а я к этому времени подготовлю еще несколько чертежей.

Расставшись с Лартом, решил пойти и к остальным мастерам, чтобы глянуть, как продвигается мой заказ. В принципе, все изделия были почти готовы раньше согласованных сроков. Договорившись, что рано утром я приеду и все заберу, произведя окончательный расчет, я поспешил на рынок.

А вот на рынке меня ждало разочарование. Сарт бродил среди черепков разбитых горшков, сверкая подбитым глазом, остальные селяне тоже были в разной степени помятости. Подойдя ко мне, Сарт развел руками.

– Налетели, ни слова не говоря, побили и убежали.

– Ладно, ден Сарт, не расстраивайся, успокой мужиков и делай то, о чем договорились, а если что-то осталось целым, – я показал на возок с горшками, – раздай селянам и простым горожанам.

Сарт удивленно посмотрел на меня.

– Подумай сам, – продолжал я, – купить что-то сейчас они будут опасаться, а оставлять посуду нельзя: куда грузить покупки? Кстати, завтра рано утром грузим у кузнецов металл и уезжаем. Что с лошадьми и телегами?

– Все отобрал и оплатил, будем уезжать с рынка, заберем и телеги с лошадьми.

– Хорошо, не затягивай, дел у тебя еще много.

Следующей я посетил книжную лавку. Лавочник узнал меня и заулыбался.

– Что желает молодой господин? – спросил он, изображая поклон.

– Да вот решил еще бумаги у вас прикупить да скляночку чернил.

Старик удивленно поднял брови.

– Вы так много пишете?

– Что делать – приходится! – улыбаясь, ответил я.

Расплатившись, я попросил доставить покупки в «Добрую вдову», достал из кармана ручку и предложил старику оценить ее. Недоуменно покрутив ее в руках, он вернул ее мне обратно, сказав, что не представляет, что это такое и для чего предназначено.

Пришлось устроить демонстрацию. Старик был потрясен и, попробовав сам писать этим инструментом, уже не хотел выпускать его из рук. Он все допытывался, за сколько я ее ему уступлю. С трудом забрав ручку, я сказал, что это демонстрационный экземпляр и он не продается, а вот дней через тридцать будет доставлена большая партия точно таких же ручек, которая и будет предложена ему для продажи. Дедок с сожалением смотрел, как я прячу так понравившийся ему девайс, при этом клятвенно меня заверив, что будет счастлив помочь мне в реализации товара.

По дороге в лавку портного я заглянул в денежный дом – меня просто заинтересовала вывеска, где ничего не было

нарисовано, а была одна только надпись, и у двери стоял вооруженный охранник.

Оказалось, что это местный банк, при этом приказчик, что меня встретил, объяснил, что деньги которые будут положены на счет, потом можно снять в любом банке империи и даже в других странах, предъявив выданную пластину, где будет указана сумма средств на счету. При каждом снятии денег или их пополнении ставят отметку, какой остаток на счету. Подумав, я решил оставить девять золотых, а остальные разменять на более мелкие монеты.

Получив медную пластину с суммой на моем счету, я направился к портному. Пора посмотреть, что там мне нашили. Портной меня порадовал: все было сделано добротно и идеально подошло. Нигде не жало, не давило. Девушки, которые измеряли меня в прошлый раз, принесли отполированный бронзовый лист, заменяющий, как я понял, зеркало, и я впервые увидел себя. На меня смотрел симпатичный юноша с черными выющимися волосами, серыми глазами и еще пухлыми юношескими губами. «А ничего себе так я тело отхватил!» – подумал я, рассматривая себя.

Трусы я мерить не стал, полагая, что и так подойдут. Портной спросил меня, не буду ли я против, если он будет шить такие же и для других клиентов, и нет ли у меня еще каких-либо моделей одежды.

– Да нет, не против, – сказал я, – при условии, что тридцать процентов прибыли от продажи будут выплачиваться

мне. А модели у меня есть, и есть даже кое-что для женщин.

Поторговавшись и сойдясь на двадцати процентах, мы договорились, что в следующий мой приезд, который я планировал через месяц, привезу ему эскизы новых моделей одежды. Я прикупил себе еще симпатичную широкополую шляпу, и мы расстались вполне довольные друг другом.

Уже когда я подходил к «Доброй вдове», из какого-то дома выскочил ребенок и, столкнувшись со мной, стал падать.

Я резко наклонился, чтобы подхватить малыша и не дать ему разбиться о брусчатку улицы, и тут что-то ужалило меня в левое плечо. Успев все-таки поймать мальчишку, я скосил глаза влево и был очень удивлен, увидев застрявшую в камзоле стрелу. Если бы я не нагнулся, она бы точно ударила меня в лопатку в районе сердца.

– Не носись ты так, торопыга, разобьешься! – сказал я, отпуская малыша и обламывая наконечник стрелы. Заведя руку за спину, кое-как выдернул древко стрелы, почувствовал, как по плечу потекло что-то теплое. Внимательно оглядел предполагаемый район, откуда она была пущена, но все было тихо и спокойно, и никого не было видно. Посчитав за лучшее поскорей убраться с этого места, я чуть ли не бегом припустил на постоянный двор.

Войдя в помещение, поманил за собой Линику и направился в свою комнату.

– Зайди и закрой дверь, – стаскивая с себя кафтан и рубашку, сказал я застывшей с открытым ртом девице.

– Господин, я не... – попыталась что-то сказать она, но я так и не дал ей договорить.

Схватив ее за руку, втащил в комнату и закрыл дверь, она только и успела пискнуть.

– Посмотри, что у меня там, – попросил я, разворачиваясь к ней спиной.

– Ого... – раздалось через некоторое время, – у вас тут рана и кровь течет!

– Пойди возьми крепкого вина, чтобы промыть ее, а также чистого полотна, чтобы перевязать. И молчи, никому ни слова.

После того как рана была обработана и перевязана, Линика опять принялась дразнить меня.

– Ах, господин, я так обрадовалась, когда вы позвали меня и принялись раздеваться. Думала, ну все, наконец займемся с вами любовными утехами. А тут оказывается, что я как лекарка нужна. Эх, что же мне так не везет!

Я решил подыграть и, схватив ее за талию, сделал вид, что хочу бросить ее на кровать, говоря при этом:

– А вот теперь и кое-чем еще заняться можно.

Линика заверещала и, вырвавшись, бросилась к двери. Я только и услышал затихающий топот ее башмаков и захохотал.

Увалившись одетым на кровать, принялся обдумывать все что произошло. Совершенно ясно, что тут не обошлось без Шило и его хозяев. Поступки не отличаются новизной и ка-

кой-то выдумкой, злодеи действуют шаблонно, по одному и тому же сценарию. Говоришь, что товар твой, а платить не хочешь – лишим тебя товара, сопротивляешься – применим физическое убеждение или даже устранение фигуранта, в назидание другим.

Неясно мне во всем происшедшем одно. Память Алекса мне подсказывала, что, произойди со мной что-то серьезное, сильное ранение или тем паче смерть, разбираться во всем этом будут дознаватели Кентии. А представители того государств, на чьей территории это произошло, будут присутствовать лишь как наблюдатели – чтобы кентийцы совсем уж не скатились к беспределу. И это касается всех подданных Кентийского государства. В моем случае, думаю, будут еще более жесткие меры. За все пятисотлетнее действие договора между Кентией и другими государствами это положение было задействовано всего лишь три раза.

Хорошо, допустим, Шило идиот и не понял, что я являюсь кентийцем, но ведь я в мэрии представился своим полным именем, а приставку «эль» имеет только кентийское дворянство. Правда, я опустил еще одну приставку – «тан», которая говорит что я принадлежу к правящей династии, но это в настоящем случае неважно. И если он действовал с согласия своих хозяев, то напрашивается вывод, что кто-то намерен втянуть империю в большую разборку, а то и в войну с Кентией.

Значит, провокации против находящихся в настоящий

момент в империи кентийцев будут продолжаться. Но и о том, что произошло со мной, при первой возможности надо сообщить в посольство Кентии. Да и падение коня на ровной дороге... Пусть он споткнулся, но упасть... В общем, вопросы есть.

А вот что делать с Шило пока не знаю, хотя вроде бы тут и думать не о чем, он труп, за то что, он совершил, другого наказания нет. Сам ли он стрелял или нет, это уже не важно, но он еще и деньги не принес, хоть и сумма не маленькая но при нормальном отношении ее можно и скорректировать в сторону уменьшения. Но я дворянин и оставить все без ответа просто не имею права, меня никто не поймет.

Но еще бы неплохо выяснить, кто его надоумил выстрелить в меня. Лежи не лежи, но пора заняться делом, скоро вечер, а мне надо еще пару чертежей подготовить, конечно, с новым пером это будет удобней и тем не менее.

Когда в дверь постучали, я уже закончил свои мучения с черчением и сворачивал листы в рулон. В дверь протиснулся Сарт и сообщил, что они полностью все закупили и загрузили, осталось лишь то, что заберем у кузнецов.

– Ну что же, это хорошо, готовьтесь, завтра поутру догружаемся и выезжаем. Было бы хорошо, если бы никто никуда не ходил, а спокойно поужинали и легли отдыхать.

Я, конечно, не сказал старосте о том, что со мной произошло – попытаюсь все эти вопросы решить сам, – но лучше все-таки поопасаться. Кроме того, для себя я уже принял ре-

шение и вечером намеревался посетить небольшую таверну в южной части города, где собирались подручные Шило и он сам.

Спустившись в зал, я попросил Линику принести мне кружку молока и сладких пирогов и спокойно стал ждать появления Ларта. После двух пирожков и кружки молока аппетит только разыгрался. Ларт вошел как-то неуверенно, видно было, что он не является завсегдатаем таких заведений. Остановившись у входа, принялся озираясь, наконец, заметив меня, рванул ко мне, радостно улыбаясь. Усевшись за стол напротив, он, не прекращая улыбаться, сообщил, что впервые находится в таком заведении.

На правах пригласившей стороны я заказал ужин на двоих и поинтересовался у Ларта, что он будет пить. На что тот замахал руками и стал меня уверять, что он абсолютно не голоден и есть, а тем более пить ничего не будет. Но когда принесли исходящую паром кашу с мясом и жареную курицу, непроизвольно сглотнул слюну. На все его заверения я ответил, что ужин уже заказан, а выбрасывать все жалко, поэтому ему хочешь не хочешь, а придется поесть. После нескольких ложек у меня создалось впечатление, что он вообще сегодня ест впервые.

Когда с основной частью ужина было покончено и нам принесли пироги и горячий травяной настой, мы разговорились, и так, неспешно беседуя, я выяснил что отец Ларта внезапно умер год назад, оставив вдову и троих детей с неболь-

шими накоплениями и рухнувшими планами.

Правда, мастерская и инструмент были его собственностью и по наследству перешли семье. Ларт пытался работать, но кто всерьез примет восемнадцатилетнего пацана в обществе, где подмастерьями ходили до тридцати лет! Поэтому мастерскую уже хотели продать, а Ларт собирался идти в городскую стражу, благо имелась возможность туда пристроиться. И вот только мой заказ изменил ситуацию, а если и правда будут другие заказы, как я и обещал, то это в корне меняет дело.

Положив на стол чертежи, которые я приготовил для Ларта, я собирался его ознакомить с тем, что хочу ему предложить, но тут дверь открылась, и в зал вошел абсолютно седой старик благообразного вида, а вместе с ним два амбала довольно колоритной наружности. Вышибала, сидящий у входа, заметно напрягся. Старик о чем-то тихо спросил у вышибалы, и тот, кивнув в мою сторону, что-то ответил ему. Тот успокаивающе поднял руку и не спеша направился в мою сторону.

– Разрешит ли господин присесть? – спросил он, подойдя к столу и изобразив поклон.

– Прошу вас, – показал я на место рядом с Лартом.

– Прошу прощения, если я нарушил вашу беседу, – продолжил старик, усаживаясь на лавку. – Я займу совсем мало вашего времени. Один из бывших наших людей, в нарушение всех мыслимых и немыслимых правил, нанес вам убыт-

ки и обиду, поэтому я очень прошу вас, господин, принять от меня компенсацию за этот инцидент. — И старик положил на стол три серебряные монеты. — А также, — продолжил он, — хотелось бы считать, что недоразумения между нами исчерпаны.

Он сделал знак пальцами, и один из его сопровождающих положил на стол что-то завернутое в тряпочку.

Не спеша развернув тряпицу, я просто был ошарашен: там лежали уши с приметной серьгой в одном из них. Я просто не ожидал ничего подобного и поэтому прилагал максимум усилий, чтобы выглядеть невозмутимым. Но думаю, что это мне не удалось, слишком уж все было неожиданно и, что там греха таить, омерзительно. Обратил внимание, как пристально смотрел на меня этот странный гость.

— Что же, — произнес я, наконец справившись с собой, — благодарю вас, вы избавили меня от трудов самому отрезать уши этому простолюдину. Все, что произошло, забыто, — и пододвинул одну из принесенных им монет обратно.

Старик снова внимательно взглянул на меня и поднялся. Поклонившись, он развернулся и также не спеша двинулся к выходу. Его сопровождающие услужливо распахнули перед ним дверь, и, когда она за ними закрылась, казалось все, кто находились в помещении, спокойно выдохнули.

Я подозвал Марту и, когда та подошла, спросил, кто это был, на что та удивленно посмотрела на меня и тихо ответила, что это был сам Седой, глава Ночной гильдии. Показав

на сверток в тряпице, который так и лежал на столе, я попросил ее, чтобы кто-нибудь это убрал, а лучше всего где-то прикопать.

Марта развернула сверток и прижала ладонь ко рту, словно боясь непроизвольно вскрикнуть, потом, осторожно двумя пальцами захватив тряпицу, удалилась. Ларт сидел бледный и ошарашенный, не зная, как себя вести; чтобы отвлечь его, от всего произошедшего, я развернул чертежи.

На одном я изобразил складной нож с набором всевозможных полезных лезвий и приспособлений. Помимо лезвия тут были ложка, небольшая пила, ножницы, шило и плоскогубцы, в общей сложности порядка двенадцати предметов – назвал я все это «нож странника». Все было изображено в нескольких проекциях, с моими комментариями.

На втором чертеже я изобразил письменный прибор с полным набором всех нужных предметов. В середине длинной подставки находилась чернильница, а по бокам ее – рычаги на конях, держащие в руках вместо пик ручки для письма с металлическими перьями, по краям были сосуды для песка, используемого для сушки чернил, и запасные перья, все сосуды имели крышки в форме остроконечных шлемов. Материалы могли использоваться самые разные, от дерева и бронзы до мрамора и гранита.

Ларт хватал то один чертеж, то другой, качал головой и охал. Наконец он успокоился и, посмотрев на меня, принялся собираться домой.

– Мастер Ларт, – остановил я его. – А на что вы собираетесь закупать материал, для изготовления этих поделок?

Тот замер и как-то виновато и растерянно взглянул на меня.

– Не знаю, – еле слышно пробормотал он и развел руками.

– Возьмите, – протянул я ему те монеты, что оставил старик, – в следующую встречу отчитаетесь. За работу оставите себе, сколько сочтете нужным.

Проводив его и пожелав удачи, я решил проверить, что и как там закупили селяне, и глянуть на коней, которых они приобрели. Под навесом стоял шум и смех, настроение у народа было радостное. Наверное, оттого что уже завтра поедут домой, да и продуктовые проблемы были частично решены. А еще я дал Сарту добро на то, чтобы он выдал мужикам немного денег для подарков семьям, при этом все суммы должны быть записаны непосредственно на тех, кто их получил.

Глянул на припасы, оценил коней и телеги. Пусть я и не очень разбираюсь в лошадях, но память Алекса подсказывала, что кони хорошие и молодые. Проведал Ветерка и, подождав пока он схрумкает очередную морковку, отправился спать.

Глава четвертая

Очередное мое утро в новом мире. Еще затемно Сарт и часть мужиков отправились грузиться к южным воротам. Всем хотелось выехать пораньше, спешили домой. Я же, плотно позавтракав, слушал, как Марта за что-то распекает кухонных рабочих. Наконец с улицы раздались крики, что пора выдвигаться, это значит, что Сарт и груз уже прибыли. Ну что же, пора так пора, в это время из кухни вышли Марта и Линика.

Увидев их, я принялся ломать голову, как попрощаться, потом плюнул на все условности и, подойдя к Марте, поцеловал ей руку, как знатной даме, поблагодарил за любезное отношение. Она в ответ чмокнула меня куда-то в темечко и сказала, что всегда будет очень рада видеть меня. Линика только фыркала на все наши нежности, и я из озорства несильно хлопнул ее по попе, она же в ответ вдруг прижалась ко мне.

– Приезжайте к нам еще, мы вас очень будем ждать! – сказала она и убежала на кухню.

Всю дорогу мужики допытывались у меня, что это за металлические штуки мы везем и для чего. Даже Сарт не выдержал и все пытался тем или иным способом прояснить, что же это такое. Объяснил, как мог, что все это для изготовления досок. Тут же посыпались новые вопросы: а что, а как.

На это я всем отвечал, что вот, мол, приедем, тогда и узнаете.

А что я им мог объяснить на пальцах, когда они этого никогда не видели и, как будет работать, не понимают! Я ехал на своем Ветерке чуть сбоку от нашего каравана, чтобы не глотать пыль, поднимаемую копытами лошадей и колесами повозок. Казалось, даже лошади домой идут быстрее. Вместе с нами шел и сын Зосимы, которого начальство отпустило на несколько дней домой.

По обе стороны дороги был Лес – да, именно с большой буквы. Огромные сосны и ели перемежались с дубами, кое-где стояли группками березки. С одной стороны лес подступал к дороге метров на тридцать – сорок, а с другой был довольно далеко – порядка двухсот метров. Деревья точно такие же, как и у нас, да и в огородах у селян я видел и кабачки, и репу, и огурцы, и морковь. А вот сколько не смотрел на ночное небо, не увидел ни одного знакомого мне созвездия...

По общему желанию решили в обед не останавливаться на привал, а на ходу перекусить пирогами, которые прихватили у Марты в дорогу, чтобы еще больше сократить время в пути.

После обеда, когда солнце начало клониться к западу, я ощутил какую-то непонятную тревогу, которая с каждой минутой только усиливалась. Соскочив с Ветерка, я подозревал Сарта и поделился с ним своим предчувствием. Тот pokrutil головой, похмыкал, но не стал возмущаться, а просто предложил всем мужикам идти так, чтобы повозки прикры-

вали от леса, который был ближе с одной стороны дороги. А стражнику Ингулу посоветовал надеть кольчугу и всем быть настороже.

Народ воспринял все спокойно, не спеша выполнил все, что я сказал, и двинулся дальше, нервно поглядывая в сторону леса. Ингул достал из повозки арбалет и зарядил его, Сарт тоже держал в руках заряженный арбалет. Я, привязав Ветерка к телеге, набросил на себя кольчугу и перевязь с метательными ножами. Где-то в глубине души теплилась надежда, что все обойдется. Вроде бы все и были готовы ко всяким неожиданностям, но стрелы, вылетевшие из леса, сразу же нашли себе жертвы.

Одна попала в плечо возчику передней телеги, вторая чиркнула по голове Сарта. И сразу же из леса выметнулись шесть человек с мечами и топорами и понеслись к нашим телегам. Двое из них были в кольчугах, а остальные в кожаных доспехах.

Щелкнул арбалет, и один из разбойников упал, получив болт в грудь. Выстрел второго был не столь удачен: болт соскользнул, сбив шлем у одного из нападавших и, по всей вероятности, немного его оглушив, так что он пошатнулся и на мгновение остановился. До него было метров пятнадцать, и я изо всех сил метнул нож, целя в того, с которого слетел шлем, и попал ему в шею. Из леса снова вылетели стрелы, и кто-то из нашего каравана вскрикнул.

– Стреляйте по лучникам! – закричал я и бросил второй

нож в разбойника, который уже заносил меч над головой Родана, одного из возчиков, и опять попал.

Нож вошел ему в спину, несмотря на надетую кольчугу. Нападавшие, видно, не ожидали такого отпора и замешкались, этого вполне хватило, чтобы еще один упал с болтом в груди. Оставшиеся двое, не сговариваясь, развернулись и рванули в сторону леса.

Интересно узнать, кто они и чего им надо! Я вскочил на Ветерку и пустился вслед за ними. Буквально через минуту настиг одного из них и, недолго думая, ударил его мечом плашмя. Второго настиг уже у самой кромки леса и махнул мечом, снося ему голову. И тут меня стало выворачивать. Все-таки фонтан крови из шеи убитого лично тобой человека и катящаяся голова с открытыми глазами и распахнутым ртом – это зрелище еще то...

Отблевавшись и вытерев сопли и слезы рукавом, двинулся обратно к каравану, по пути прихватив оглушенного мной разбойника. У нас было трое раненых, но, судя по ранениям, жить будут все, и если честно, то мы легко отделались. У одного было пробито бедро насквозь, у другого стрела застряла в плече, а у Сарта содран кусок кожи на голове.

Все произошло настолько быстро, что многие и испугаться не успели, хотя мне думается, адреналин сейчас у всех через уши готов вылиться. Народ, немного пришедший в себя, принялся перевязывать раненых, а затем кинулся мародерить, в буквальном смысле раздевая разбойников догола.

Ингул вместе с Сартом и отцом, зарядив арбалеты, прогулялись в лес, откуда летели стрелы, и, вернувшись, сказали, что стрелков было двое, и один из них ранен – может быть, даже сильно, так как на месте было немало крови, – а вот болта не нашли. Пленник уже пришел в себя и сидел, угрюмо уставившись в одну точку.

– Кто ты и почему напал на мирных сервов? – поинтересовался я, остановившись перед ним.

Но тот молчал и даже не пошевелился. Ну что же, допрос неприятеля в полевых условиях для меня не в новинку, волновало лишь одно: как поведет себя тело. Какой-то интересный симбиоз получается у меня с этим телом и сознанием бывшего владельца. Все-таки, прожив не один десяток лет, много чего повидав и испытав, я тем не менее очень интересно реагировал и на заигрывание Линики, и вот буквально несколько минут назад.

Хотя тут, думаю, реакция нормальная. В свое время я повидал немало смертей, но одно дело, когда ты стреляешь из автомата с расстояния сто и больше метров, и совершенно другое – когда вот так лично, своей рукой сносишь голову, да и мой «предшественник», думаю, не имел возможности рубить головы. Даже сейчас мне и то не по себе при воспоминании. Да и память вела себя странно: возвращалась не вся и сразу, а частями. При этом у меня внезапно начинала сильно болеть голова, пусть и продолжалось это недолго, но все это меня пугало.

Молчание пленника воспринял как должное и даже с интересом стал его разглядывать, тот как-то поежился и попытался отодвинуться от меня.

– Так, по-хорошему, как понимаю, говорить не хочешь, посмотрим, насколько тебя хватит.

Сказав это, я отошел к повозке, где лежали закупленные инструменты, и попросил достать мне молоток. А также попросил Ингула и Сарта помочь мне, эти парни все-таки служивые – пусть Сарт и бывший, но опыт не пропьешь, поэтому рефлексировать, думаю, не будут. Попросил их придержать нашего пленника и, положив его руку на колесо телеги, ударил молотком по ногтю большого пальца.

Пленник заорал и задергался в руках моих помощников, пытаясь вырваться, но те держали его крепко. Не откладывая в долгий ящик, я ударил по следующему пальцу. Страдалец выл и бился в руках, по штанам расплылось мокрое пятно, и почувствовался характерный запах. Я махнул рукой, чтобы его отпустили.

– Кто такой? – снова задал вопрос.

На этот раз он был более разговорчив и просто завалил меня информацией.

А все оказалось до банальности просто. Этот добрый благообразный дедушка, а проще говоря, глава Ночной гильдии с погонялом Седой, решил, что разборки в городе с неизвестным дворянином абсолютно не нужны. Ведь одно дело, если мещанин причинил вред мещанину или серву, и совсем дру-

гое – если вред, травму или смерть причинили дворянину. Тут уже вступала в силу клановая солидарность, и индивидуум, не имеющий дворянского звания, быстренько отправлялся на плаху, невзирая ни на что. Однако то, как он считал, унижение, когда пришлось отдавать деньги и приносить извинения, Седой прощать был не намерен. Да и груз, увозимый аж на пяти телегах, тоже немалых денег стоил. Поэтому и решил направить своих подручных наперехват.

Но никто не ожидал, что у селян окажутся арбалеты, которые стоят немалых деньги, да и то, что с ними идет стражник, тоже было сюрпризом для нападавших. Селян вообще никто не брал в расчет, ну а на меня одного восьми человек хватить должно было. После того как со мной и селянами было бы покончено, телеги и груз перегнали бы в соседний город и там сбыли бы, с помощью такой же шайки. В случае расследования все видели и слышали разговор на постоялом дворе. Так что с этой стороны тоже было бы алиби. На вопрос, не жалко ли было Шило, мне было сказано, что Шило уже давно всех достал и в последнее время приносил больше вреда, чем пользы, при этом почти не реагируя на то, что ему говорил Седой. А тут такой удачный момент – и от этого идиота избавится, и для других будет показательный пример, что бывает с зарвавшимися.

Да, а ведь я повелся и поверил в мирные намерения Седого! Вот ведь старый идиот – если подумать, то возрастом я ненамного моложе этого «благообразного дедушки», но по-

вел себя как пацан!

Выяснив все, что меня интересовало, задумался, что делать с пленным. Лишняя смерть мне ничего не даст, неплохо бы было, конечно, если бы все нападавшие погибли. Это бы внесло на определенное время разброд в ряды гильдии, и пока бы искали и выясняли, куда делись посланные наперехват нашего каравана люди, можно было бы ничего не опасаться.

А так все равно остались живые свидетели, поэтому я решил его отпустить, но прежде он должен будет отработать. Вручив ему одну из купленных лопат, отрядил его в помощь мужикам рыть неглубокую могилу для мертвых, надо их прикопать, незачем приваживать диких зверей и всякую заразу распространять. Как он ни морщился и ни кривился от боли в покалеченных пальцах, но исправно рыл, с опаской поглядывая в мою сторону.

Провозились до самого вечера, и, когда было покончено с захоронениями, я отпустил пленного. Когда подошел к нему, баюкающему руку с травмированными пальцами, он испуганно замер – наверное, думал, что собираюсь его убить. Но после того как я сказал, что отпускаю, он облегченно выдохнул, и из его глаз покатились слезы. На прощанье попросил его передать Седому, что ушами он теперь не отделается.

Уже начало смеркаться, и мы, отогнав наш караван на полкилометра от места схватки, стали располагаться на ночлег. Распрягли коней и пустили их пастись, сами по-быстрому организовали костер и приготовили кашу и травяного отва-

ра, который здесь использовали вместо чая.

Пужинав, народ залез под телеги, но никому не спалось, все крутились, переговаривались и в конце концов сгрудились вокруг тлеющего костра. Опять заварили отвара и молча прихлебывали его, глядя на огонь. Ко мне подошел Сарт и, увидев, что я тоже не сплю, присел рядом.

– Боятся народ, – произнес он и посмотрел в сторону костра. – А вдруг еще и ночью нападут, – высказал он, по всей вероятности, общую мысль.

– Так, может, тогда потихоньку соберемся и продолжим путь, кони немного отдохнули, да и гнать их никто не собирается. Ночь светлая, дорога тут одна, не заблудимся, и народ, когда делом занят, не так бояться будет. – С этими словами я поднялся и пошел седлать Ветерка. У костра тоже зашевелились, кинулись ловить и запрягать коней, и где-то через полчаса мы снова были в дороге.

После всего происшедшего ночная дорога – удовольствие из малоприятных. Шарахались каждого куста, и нервы у мужиков были напряжены до предела. Правда, через час попривыкли, да и то, что теперь возчиков было меньше, так как раненые не могли полноценно управлять повозками, тоже сыграло роль.

Больше работы, меньше дурных мыслей и страха. Я и Ингул выполняли роль охранения. И в тот момент, когда солнце взошло, впереди на горизонте показалось село. Вот тут даже шутки слышались и смешки, и даже у меня, по су-

ти дворянина-бомжа, и то на душе потеплело и стало спокойней. Въехав в село, караван направился на подворье старосты. Тут и там стали появляться любопытные, а мужчины как один присоединялись к нам, и уже к подворью старосты подошла толпа человек из двадцати.

Попутно завезли раненых Эрмила и Гримма к ним домой, послав детвору к Ингри. По приезде к Сарту все принялись тут же разгружать повозки, а Сарт показывал, что и куда носить. Я же, еще раз перепроверив заказанное мной железо, отправился в сопровождении вездесущего Вилкула к своему временному жилищу, а точнее к сеновалу Петры, ведя в поводу Ветерка.

Уже на выходе столкнулись с лекаркой, которая спешила к раненному в стычке Сарту, Ингри поклонилась и пожелала мне здоровья, а потом спросила, как я себя чувствую и вернулась ли ко мне память. Я улыбнулся, ответил, что чувствую себя прекрасно, а память возвратилась, но не вся. На мой вопрос, как там раненые, она сказала, что у Эрмила, которому стрела пробила бедро, все нормально – через неделю будет бегать, а вот у Гримма плохо, стрела задела кость, и как оно будет дальше, она пока не знает.

– Что ж, – сказал я, – вам еще одного раненого надо осмотреть. – Я кивнул на Сарта, на этом мы и расстались.

По дороге Вилкул выпросил у меня повести в поводу Ветерка, и я передал ему повод. Ветерок потянулся мордой к плечу Вилкула, я уже хотел прикрикнуть на него, боясь, что

он может укусить ребенка, но тот, обняв своего нового конвоира, только смешно фыркнул.

У подворья Петры нас встретила Арна, которая тоже поклонилась и, пожелав мне здоровья, поинтересовалась, легка ли была дорога. Поклонившись в ответ, чем снова вогнал ее в краску, ответил, что дорога была не такая уж и легкая, но тем не менее вернулись все, и что отец скоро будет. А потом я превратился в Деда Мороза и принялся раздавать подарки. Арне вручил бронзовые сережки с небольшими рубинами и такого же цвета, как рубины, отрез материала. Глядя на то, как она смотрела на подарки и как светились ее глаза, я был просто счастлив.

– Ой, господин Алекс, ведь это все так дорого, зачем вы тратились, – твердила она, непроизвольно поглаживая рукой материю...

– Ну, знаешь ли, Арна, мое здоровье дороже, а ты вон сколько меня лечила и настойками поила, это моя благодарность.

– Ну что вы, настойки ведь бабушки Ингри готовила, – снова попыталась возразить Арна.

– С бабушкой Инги я рассчитался, а теперь вот и с тобой, так что я не желаю слышать ни каких возражений, – и я попытался придать своему взгляду строгость.

– Спасибо вам большое, господин Алекс, – и она снова мне поклонилась.

А Вилкул получил картуз с твердым козырьком и кожа-

ный поясной ремень с небольшим ножом в кожаных ножнах. Вначале он даже не понял, что это ему, и держал все на вытянутых руках, ожидая, когда я все это заберу. Потом, надев картуз, который был великоват и постоянно падал на глаза, он опоясался ремнем. Ремень обернулся вокруг его талии почти два раза... Все, так сказать, на вырост. Вот где радость была через край!

– Это правда все мне? – периодически спрашивал он. – Господин Алекс, вы правда не шутите?

– Нет, не шучу, – отвечал я ему. – Это тебе за то, что ты не бросил меня в поле и потом помогал и знакомил с селом, и за то, что ты не испугался разбойников.

– Вот здорово, да теперь все умрут от зависти. Можно я пойду, – тархтел он приплясывая от нетерпения.

– Ну да иди, что теперь с тобой делать.

И тот рванул так, что только пыль закружилась за ним по дорожке. Я смеялся, от души веселясь: мне всегда подарки больше нравилось дарить, чем получать. Особенно нравилось дарить их детям, с их непосредственной и неприкрытой радостью, при получении подарка казалось, что и тебе перепадает кусочек их счастья.

Глава пятая

С водяным колесом провозились почти неделю. За это время я успел собрать пилораму и объяснить Сарту, какой построить сарай, чтобы полностью закрыть механизм. Еще пара дней наладки, и, когда все было готово, решил устроить демонстрацию. Сарт привез несколько бревен, я их сам окромковал, чтобы доска выходила полностью обрезная. И на следующий день распустил на доску. Посмотреть собралось все население села, народ после увиденного был в шоке. Еще бы, в течение получаса получилось целых десять досок, ровно обрезанных со всех сторон, толщиной в два дюйма. Распустив пару бревен, я остановил пилораму, сказав, что на сегодня все.

Народ стал потихоньку расходиться, а я с Сартom и несколькими мужиками, которых наметили для работы с пилорамой, еще раз пролезли и проверили механизм. Но все вроде бы было в порядке. Посмотрим, как она дальше себя поведет.

Осталось дожидаться чиновника из мэрии и егеря, чтобы они наметили деревья на вырубку. А за это время надо еще построить навес для готового материала, ну и так, по мелочи — где-то что-то выровнять и разметить место под небольшую контору, в которой в дальнейшем предстояло вести дела с купцами. Чиновник появился через пару дней и в тот

же день уехал, оставив вместо себя егеря, который и должен был проконтролировать вырубку леса.

Но это меня уже не интересовало. Все, что можно, я рассказал и показал Сарту, вот и пусть занимается. А сам решил пока отвлечься и попробовать порыбачить. Не зря же я крючки заказывал и покупал тонкий шнур, плетенный из конского волоса. Рано утром порылся в огороде и накопал пару десятков червей, выпросил у Арны какую-то тряпицу и, насыпав земли, завернул их в узелок. Бегающему кругами Вилкулу и постоянно интересующемуся, а что это, а зачем это, предложил пойти со мной, где он все увидит. Как будто он и так бы за мной не увязался!

По дороге к речке срезал две ветки орешника и, пока мы шли, аккуратно обрезал и очистил их. Уже на месте сделал поплавков из прошлогодней сухой камышины и вымерял грузило из прихваченного у Парта свинца. Нацепил червя и забросил. Поначалу ничего не происходило, и Вилкулу, как и любому ребенку, мои непонятные манипуляции наскучили; толком ничего не происходило, а его непоседливая натура жаждала деятельности.

И он уже собрался куда-нибудь смыться, но тут у меня клюнуло, и я вытянул приличного карася. Карась сорвался и запрыгал по траве. Вилкул заорал что-то нечленораздельное и, как коршун, бросился на рыбину. Кое-как поймав ее, он тут же пристал с вопросом:

– Как ты это сделал? А еще можешь?

– Сейчас попробую, – ответил я ему и опять забросил свою снасть.

Клюнуло почти сразу, и очередной добычей стала крупная плотва. Когда на кукане болталось около десятка рыбин, Вилкул несмело спросил.

– А можно я попробую?

– Пробуй.

И я протянул ему снасть. Пока он устраивал дикие пляски после каждой выловленной им рыбы, я собрал вторую удочку и тоже присоединился к ловле. Часа через два я понял, что рыбы нам, пожалуй, хватит, и мы решили вернуться домой. Первый же вопрос, когда вытащили улов, был:

– А мы еще пойдем?

– Пойдем, конечно, а можешь и сам сбегать, когда захочешь, ты уже умеешь ловить.

Такого он, конечно, не ожидал – что ему разрешат самому брать удочку и ловить. Как у нас говорили, произошел разрыв шаблона, и бедный ребенок несколько минут открывал и закрывал рот, не зная, что сказать.

Всю дорогу он гордо нес удочки и порой порывался нести рыбу, но все же ее было килограммов десять, и для него это было тяжело. Пока шли, к нам успели присоединиться несколько его друзей, которым он тут же начал рассказывать и показывать в лицах, как он ловил и вытягивал рыбу. Те слушали его с недоверием, но, посмотрев на наш улов, который я нес, тут же меняли свое мнение.

А рыбка наша оказалась очень кстати, так как вечером у Петро были гости. Вечером Ингул и его родители пришли сватать Арну. Видно, не зря он выпросился на побывку домой. Арна встретила их на пороге в новой рубиновой сорочке из подаренного мной материала и в новых сережках. Она держала в руках поднос, на котором стояли две чаши с домашней брагой.

Чаши взяли отец и мать Ингула. Они выпили содержимое, выплеснув последние капли под ноги Арне и пожелав дому и ей благоденствия. Я еще раз про себя отметил, что Арна очень красивая девушка, и даже позавидовал Ингулу. Меня и Сарта пригласили как свидетелей помолвки и условий проведения свадьбы и выделения приданого. Чтобы в последующем никто не отказался в случай чего от своих обещаний.

Войдя в дом, я с интересом стал осматриваться, так как находился в нем впервые. Комната, в которую вошли из сеней, была довольно просторной, в углу большая печь, напоминающая русскую, возле окна, затянутого чем-то непонятным, грубый стол с лавками по обе стороны. Окно давало немного света, и в доме было полутемно. И, как я понял, еще две комнатухи были по обе стороны от входа.

Свадьбу решили провести осенью после уборки урожая. Как и всегда это делалось в селах и деревнях. Когда дошло до приданого Петро, я начал перечислять все, что он даст за Арной, но давать особо было нечего. Отец Ингула, наклонившись в сторону Петро, бросил:

– Лошадь давай.

Ингул удивленно посмотрел на отца. Видно было, что это экспромт самого отца и заранее это не обговаривалось.

Петро замялся, не зная, что ответить: и отдать нельзя, потому что еще есть Вилкул, а лошадь много значит в деревне, кому огород или поле вспахать, кому что-то отвезти да дров привезти на зиму – то есть отдать, обречь себя на еще большую бедность и не отдать тоже, дочь жалко, а вдруг сваты обидятся и уйдут.

Я решил вмешаться в возникшую в разговоре паузу.

– В благодарность за то, что эти люди, не считаясь ни с чем, помогли мне в трудную минуту, я считаю себя их должником. И поэтому в ответ на снятие вопроса о выделении лошади в приданое Арны, готов дать в приданое ей пять серебряных монет.

С этими словами я достал кошель и высыпал на стол половину всех денег, что были при мне. Сумма по меркам села была очень большая. В принципе за эти деньги можно было купить такой вот дом, в каком мы находились, сейчас со всей рухлядью, а также корову или какую-никакую лошаденку. Народ заворуженно уставился на лежащие деньги, один только Сарт от души захохотал и хлопнул сидящего рядом с ним Ингула по спине. На этом сватовство и закончилось.

А на следующий день я стал собираться в город, попутно объясняя Сарту, как удлинить телегу при помощи слуги и дополнительной оси, при этом длина может меняться, в за-

висимости от длины груза и нужд перевозчика. Проканителю еще три дня, наконец выехал.

Завтра Сарт должен был отправить первую доску на рынок. Делали всего два размера: в дюйм и в два дюйма. А будут желающие, напилят любого размера. Мне же надо было что-то решать с Седым. Так просто все, что произошло, оставлять нельзя. В одиночку объявлять войну Ночной гильдии – это, конечно, безумство, но и спускать все на тормозах неуместно. Честь превыше всего.

Глава шестая

В город въезжал на следующий день вечером, почти в сумерках. И сразу же направился к дому Ларта. В последние дни какие-то неясные тревожные предчувствия терзали меня. И они не обманули: теперь я стоял и тупо смотрел на обгорелые останки того, что было мастерской Ларта. А так как на втором этаже находилась жилая часть, где и обитала семья Ларта, то смотрел и на останки дома. Что это? Месть мне или попытка поставить и Ларта на оплату, так как узнали, что он начал работать и получил заказ? А может, это просто случайность, в которую, правда, совсем не верится.

Придя в себя, я попытался выяснить у соседей, живы ли погорельцы, и если живы, знает ли кто, где они и что с ними. Но никто ничего не знал, а скорей всего, люди просто не хотели связываться с этой историей. Так ничего не выяснив, я направился к постоялому двору. Ехал не спеша, шагом, внимательно посматривая по сторонам, мало ли что — теперь мне всегда надо быть настороже, пока жив Седой.

Вдруг из переулка мне навстречу метнулась тень и ухватила Ветерка за узду. Я рванул из ножен меч и только в самый последний момент удержал руку, услышав шепот.

— Господин Алекс, это я, Ларт...

Передо мной и правда стоял Ларт. Зажмурился глазами и втянул голову в плечи, он мертвой хваткой вцепился в повод.

– Ты что делаешь идиот! – зашипел я, возвращая меч в ножны. – Тебе что, жить надоело?

– Они вас ищут и ждут, господин граф... я должен вас предупредить.

– Ну вот, ты меня и предупредил, спасибо, – спрыгивая с седла и становясь рядом с ним, ответил я. – Рассказывай, что произошло.

По словам Ларта, к нему пришли через неделю после моего отъезда, сказали, что еще его отец задолжал им две золотые монеты, и предъявили бумагу, подписанную стряпчим – мол, пришло время вернуть долг. А так как время отдачи просрочено, то и долг возрос на три серебрушки, то есть теперь надо вернуть аж два золотых и три серебряных монеты.

Деньги довольно большие, а в положении Ларта просто огромные. Ларт начал доказывать, что никакого долга нет, а если бы был, то он о нем знал бы. На это ему заявили, что им все равно, знал он или нет, но если в течение трех дней долг не будет возвращен, у него заберут мастерскую и дом. Мастерская и дом стоили все-таки в два раза больше, но за такой короткий срок их не продать, разве что за еще меньшие деньги, чем мифический долг.

Ларт поговорил с матерью – слез, конечно, было много, но мать здраво рассудила, что им ничего не остается, как уступить требованиям и отдать дом. Потому что любой суд станет на сторону кредиторов. Бумага, заверенная стряпчим мэрии, имеет неоспоримое преимущество перед простыми за-

верениями.

В селе, которое почти приткнулось к городским стенам, проживала его бабушка, мать его матери, к ней и решили перебраться. Наняв повозку, Ларт перевез в село мать и сестер, а также одежду и всякие мелочи. Второй ходкой он вывез инструмент и приспособления из мастерской, а также кое-какой материал, который успел закупить для выполнения моего заказа. Перевезя своих женщин в село, он уже две недели дежурит у ворот в ожидании моего приезда.

— А почему тогда дом и мастерская сгорели? — задал я вопрос.

А вот это и для Ларта оказалось загадкой. Поняв, что никаких денег не дождутся, его избили. Так просто без злобы, для порядка, и заставили подписать бумагу, что дом передается в счет долга какому-то Жакому ден Ресту, мещанину. С того дня Ларт ни разу не был в том районе города. Слышал, что дом сгорел, и было до слез обидно, ведь он в нем родился и вырос; но почему это произошло, он не знает. Матери и сестрам он, конечно, об этом не говорил, не хотел расстраивать. Те до сих пор рыдают при любом упоминании об оставленном доме.

А еще у Ночной гильдии идет какая-то склока, и, по слухам, есть даже убитые. Но все это только по слухам. Может, оттого и дом наш сгорел, не поделили. Впереди раздался какой-то шум и приглушенное звяканье металла. Адреналин у меня в крови резко подпрыгнул, ладони сами собой сжались

в кулаки.

— Быстро садись на коня, — прошептал я Ларту. — В случае нападения на нас ты должен быстро убраться. Скачи на постоянный двор, где мы с тобой встречались, там переждешь до утра и возвращайся к матери и сестрам. Я потом тебя найду.

— Граф, я не могу так, — был мне ответ, — я останусь с вами.

— Ты что, плохо понял, что я сказал? — прошипел я сквозь зубы. — Быстро садись на коня. — И добавил более ласково: — Ты мне только мешать будешь. Не переживай, все будет хорошо.

Мы как раз находились напротив очередного проулка. Ларт взгромоздился на коня, и я ударил ладонью Ветерка по крупу. Тот с места сразу перешел в галоп, так что Ларта откинуло на спину, но все-таки он удержался в седле.

Шум приближался, и уже можно было различить топот шагов спешащих людей. Сзади тоже слышался шум шагов. Я вынул меч правой рукой, а левой достал пару метательных ножей и прижался спиной к высокому каменному забору дома. Руку с метательными ножами отвел назад, чтобы они не бросались в глаза. Наконец показалась группа людей, человек десять, все они были вооружены и, заметив меня, пошли медленнее. С другой стороны улицы тоже подошли несколько человек. Вся эта ватага замерла от меня в нескольких метрах, как будто чего-то ожидая.

Я тоже молчал и только внимательно следил за пришедшими. Луна этой ночью светила ярко, но периодически пря-

талась за тучки и находилась за моей спиной, так что видно было все прекрасно.

– Ты осмелился мне угрожать, ничтожный дворянчик? – раздался вдруг голос, и вперед вышел благообразный дедушка, по-простому Седой.

Я усмехнулся про себя: не удержался старый идиот.

– О, какая честь, сам старый маразматик с кликухой Седой выполз. Ты еще не сдох, старый козел? Тем лучше: мне не надо будет гоняться за тобой...

Меня всю жизнь учили, что если драка или бой неизбежны, бей первым. И я, выполняя это наставление, метнул ножи, ночью левой рукой из положения снизу, но все вышло просто великолепно. Один из ножей вошел в глаз Седого по обмотанную ремешком рукоятку, второй в горло стоящего рядом детины. И я рванулся вперед, переходя в ускорение. Пока вся эта свора приходила в себя, я успел сблизиться с ними и махнуть мечом снизу наискось и второй раз на возвратном движении.

Вот и покатались одна рука с мечом и голова. Вой от боли одного и фонтан крови из шеи другого заставил стоящих рядом отшатнуться, и я вырвался к ним за спины. В левой руке я уже держал кинжал обратным хватом. И снова, пока они приходили в себя и разворачивались, я успел махнуть мечом и ударить кинжалом.

Бил по ногам, чтобы не убить, а покалечить. Крики боли и фонтанирующая кровь из артерий – отличный дестабили-

зирующий фактор. А против меня стоят совсем не солдаты, а отребье, которое может нападать только на слабых и беззащитных.

Широкий шаг вправо, сближаюсь с основной группой и снова успеваю нанести два удара крест-накрест. Правда, достал только одного, вскрыв ему грудную клетку, несмотря на кольчугу. Второй успел отшатнуться, и я лишь нанес ему небольшую рану на предплечье. Ну вот, не прошло и пары минут, а я уже уполовинил количество противников.

Много слухов и легенд ходило про кентийцев. Чаще всего среди обывателей распространялся слух о том, что мы выдирали сердце и печень у еще живого врага и тут же все это поедали. Поэтому и в бою не было нам равных. Были даже свидетели, которые на голубом глазу утверждали, что лично это видели.

Оставалось только узнать у них, где они это видели, так как на континенте почти пятьсот лет не было войн. Ну, если не считать мелких междоусобиц, которых, кстати, у кентийцев не было совсем. Все это промелькнуло в моей голове в считанные мгновения, и я интуитивно произнес:

– Я не буду вас убивать, я буду отрубать вам ноги и руки, а потом еще у живых выдеру сердце и печень и съем.

Луна как раз спряталась за тучи, что придавало моим словам еще более зловещий оттенок.

Видать, это было последней каплей. Стоило мне только шевельнуться, как раздался звон упавшего меча и топот убе-

гающего человека. Тут же и остальное воинство побросало оружие и пустилось наутек, остался лишь один – тот, которому я нанес небольшую рану руки, да трупы, даже оставшийся без кисти бежал воя и зажимая рану.

– Ты что, самый смелый или плохо бегаешь, – спросил я, приближаясь к нему.

– Нет-нет, что вы, я не собирался и не собираюсь с вами сражаться. Просто я, пока не увидел вас, не знал, зачем нас собрали и вооружили. Думал, снова с ребятами Сигурна сцепимся.

Все это он выпалил скороговоркой и показал пустые руки. Луна, на несколько минут спрятавшаяся за тучами, снова выглянула и осветила окрестности.

– О, да это старый знакомый... – рассмотрел я того, которого несколько недель назад допрашивал после нападения на наш караван. – Ну и почему ты не убежал? – повторил я вопрос, подойдя вплотную.

– Седой мертв, его правая рука Олис тоже, – кивнул он на второго, в которого попал нож. – Сигурн откололся, остался старый Торм, с которым я справлюсь без проблем и смогу освободить наконец брата и сестру. И будь я проклят, если после этого задержусь хоть на день в этом городе.

– Хорошо, собери оружие и пошарь по карманам, и шевелись, чувствую, скоро тут от стражников будет не протолкнуться.

Сам же я вытащил метательные ножи, вытер их об одеж-

ду нападавших и вложил в перевязь. Уже по дороге парень протянул мне увесистый мешочек.

– Это было у Седого, – сказал он, кряхтя под тяжестью десятка мечей.

Не успели пройти и несколько метров, когда раздался цокот копыт и из переулка появился Ларт, ведущий Ветерка под уздцы.

– Ты что здесь делаешь, ты где должен быть? – накинулся я на него.

– Господин граф, ваш конь абсолютно меня не слушался и отказался следовать без вас. Он, не слушая повода, развернулся, и мне пришлось возвращаться. Когда мы уже приблизились к перекрестку, я увидел, как пробежала толпа народа, и испугался, что вы погибли. Потихоньку приблизился и, выглянув из-за угла, увидел вас уже уходящими. Ну вот... – И он замолчал, разведя руками.

Глава седьмая

В «Добрую вдову» мы еле успели... Уже закрывали ворота, когда мы с Лартом подошли. Марта протирала кружки, две какие-то пожилые женщины мыли пол, а Линика протирали столы. Увидев нас, Марта заулыбалась и, тут же приняв деловой вид, поинтересовалась, надолго ли мы и будем ли ужинать. Есть хотелось ужасно, и я, засмеявшись, энергично закивал головой.

— Если не хотите видеть здесь два трупа умерших от голода, то вам следует поторопиться. Так как? Кормить будут в этом заведении?

Линика смахнула со скамьи, на которой я сиживал в прошлый приезд, видимые только ей пылинки, унеслась на кухню.

Утром встал как ни в чем не бывало, несмотря на то, что вчера после боя с бандой Седого ноги были тяжелыми и еле двигались: так всегда бывает после ускорения, не зря в Кентии те, кто им владеет, называют ускорение «последним шансом». Пусть и использовал его я совсем чуть-чуть, но тем не менее откат все равно меня настиг.

Спустившись в обеденный зал, я увидел, что Ларт уже сидит за столом и о чем-то сосредоточенно думает. На кухне слышался приглушенный дверью шум и недовольный голос Марты: кому-то уже с утра досталось.

– О чем задумался, ден Ларт? – усаживаясь на скамью спросил я.

– Господин граф, вам нельзя оставаться в городе, говорят, что Седой был двоюродным братом нынешнему бургомистру, – наклоняясь над столом, шепотом проговорил Ларт.

Я покивал, соглашаясь с ним, прекрасно понимая, что Ларт абсолютно прав, сам я думал о том же. Как бы не хотелось, а из города придется уезжать, и чем быстрее, тем лучше. Так действовать, как действовал Седой, можно только если тебя надежно прикрывает кто-то из руководства города. Тут из кухни выглянула Марта, и я подал знак Ларту молчать.

Хозяйка постоялого двора, увидев нас за столом, направилась к нам и начала объясняться, мол, есть только холодное мясо, вчерашние булочки и молоко, морс и пиво. Повар не растопил вовремя печь и горячего ничего не успели приготовить.

– Ничего, – ответил я улыбаясь, – мы люди простые, и что дадите, тому и будем рады.

Хмыкнув на словосочетание «люди простые», Марта удалилась на кухню.

После завтрака Ларт помчался в село к родным, успокоить их, что он жив-здоров, и забрать уже изготовленные изделия, чтобы отдать мне и отчитаться по деньгам, полученным от меня. Видно, парень был очень щепетильным в денежных расчетах, он даже слушать не хотел о том, что все это можно

сделать и позже.

А мне надо бы зайти к портному, отдать кое-какие эскизы, которые я набросал на досуге, и сбыть оружие, которое досталось вчера, мастеру Коулу. Да и в дорогу прикупить кое-что надо... Еще утром я решил двигаться в столицу, прекрасно понимая, что так просто мне никто не простит смерть Седого и нарушение финансового потока. А если то, что говорил Ларт, правда, и тут еще замешаны родственные связи, то уезжать надо как можно скорей.

Накинув под камзол перевязь с ножами, я уже собрался выходить, как раздался стук в дверь. Дверь открылась, и я увидел на пороге сержанта городской стражи и двоих стражников.

– Прошу прощения, – проговорил сержант, не входя в комнату, – вы Алекс эль Зорга?

– А что вы хотели? – вопросом на вопрос ответил я.

– Господин эль Зорга, вас очень хочет видеть господин бургомистр. – Понизив голос, стражник продолжил: – Это секрет, но на вас выписана премия за помощь городу. Когда вы сможете прибыть в ратушу?

Я сделал вид, что задумался. В глазах стоящих за спиной сержанта и солдат светилось неподдельное уважение ко мне. Достал из кошелька несколько медяков.

– Благодарю за приглашение, выпейте за мое здоровье, ребята, – протягивая монеты сержанту, проговорил я. – А в ратушу я прям сейчас и заеду, так можете и передать.

В глазах сержанта и стражников светилось уже не просто уважение, а любовь.

– Рады стараться, господин эль Зорга! – заулыбался сержант.

И, повернувшись, троица удалилась. Я же, проверив, все ли я взял, и еще раз обдумав, что должен купить и сделать, тоже отправился вслед за ними.

Ветерок радостно всхрипнул, увидев меня, и захрустел очередной морковкой. Правда, через некоторое время попытался продемонстрировать свое недовольство, когда я начал грузить на него вчерашнюю добычу, упакованную в пару тюков. Но после того как я его пристыдил, перестал создавать мне проблемы, хоть и показывал всем своим видом, что он боевой конь, а не какая-то там тягловая лошадь.

По прибытии в ратушу меня сразу же проводили к бургомистру, который оказался невысоким полноватым мужчиной с неприятным взглядом маленьких глубоко посаженных глаз. С наигранной радостью он начал хватать меня за руки своими потными и холодными, как ледышки, руками и трясти их, одновременно рассыпаясь в комплиментах. Присутствующие работники ратуши хлопали в ладоши и тоже всеми силами изображали неподдельную радость. Наконец он успокоился, и слово взял единственный человек с мечом, в шлеме и в кирасе.

– Господин эль Зорга, руководство городской стражи и благодарность за помощь в наведении порядка в городе и

уничтожении шайки воров решило наградить вас. — И он вручил мне небольшую посеребренную статуэтку рыцаря. — А город в лице бургомистра премирует вас денежной премией. — И он протянул мне небольшой кошель, в котором что-то звякало. Я же изображал неподдельную радость, улыбался изо всех сил, кланялся, прижимая руку к сердцу, а когда мне вручили кошель, вообще изобразил ступор от переполнявших меня чувств.

На вопрос бургомистра, сколько я еще пробуду в городе, ответил, что не менее пяти-шести дней. Несмотря на улыбки и славословия, в глазах бургомистра и начальника стражи даже не подготовленный мог прочесть, с каким удовольствием они настрогали бы из моей тушки мелких ломтей. По окончании церемонии меня дружно проводили к выходу и наконец распрощались. Отойдя к Ветерку, который стоял у коновязи, я заглянул в кошель, который мне несколько минут назад вручили.

Да, бургомистр сквалыга еще тот... в кошельке болтались две серебряные монеты и десяток медяков. Но я все равно изобразил радость, понимая, что за мной наблюдают в окна ратуши.

* * *

— Ты правильно заметил, Гарет, этот кентиец будет рад подачке, и это отведет от нас все подозрения, и не стоит тя-

нуть, лучше всего завтра от него надо избавиться. Сегодня же пусть переговоят с Сигурном. Он, кстати, знает почти все расклады Седого, чего не знает – подскажем. – Бургомистр отошел от окна, в которое внимательно следил за кентийцем, и уселся в кресло. – Ты что-нибудь выяснил? Кто он такой, этот юноша?

– Очень мало, что удалось выяснить, Сайм, какой-то бедный аристократишка из кентийской провинции, едет наниматься в гвардию императора. Ты же видел, с какой жадностью он схватил кошель и как был рад, увидев там пару монет. Меня больше волнует Сигурн – что если он начнет выставлять свои условия?

Начальник городской стражи взял с подноса бокал с вином и уселся в кресло напротив бургомистра.

– Гарет, ты меня порой удивляешь. Если Сигурн начнет ставить свои условия, найдем более сговорчивого. У тебя, я надеюсь, не перевелись еще хорошие стрелки из арбалета. И пожалуйста... мне не нужны в городе несколько враждующих банд, должна быть одна под нашим полным контролем. А также пусть твой человек всем напомним: молчание – один из видов добродетели.

Бургомистр нервно постучал пальцами правой руки по столешнице.

– Непокойно мне, какое-то напряжение и предчувствие тревоги витает в воздухе. – Он помолчал, пожевал губами, потом махнул рукой. – Ладно, Гарет, дел у тебя много, давай

принимайся. И не тани с кентийцем.

* * *

Первым делом я заглянул к мастеру Коулу и, высыпав из тюков вчерашнюю добычу, поинтересовался, можно ли это обменять на кавалерийский арбалет и десяток болтов. Коул поковырялся в железках, взял один меч, внимательно осмотрел его, затем второй и скривился.

— Ну, — протянул он, — согласен. Только за сумку придется вам доплатить.

— Да не вопрос, — усмехнулся я. — Сколько там с меня?

Дольше всех меня задержал портной. Рассматривая мои эскизы, постоянно переспрашивал, что это и зачем. Договорились, что если он начнет шить то, что я ему набросал, и на это будет спрос, то шестую часть от прибыли он ежемесячно будет вносить на мой счет в «Денежном доме».

Быстро пробежавшись по рынку, я приобрел два походных одеяла, плащ из плотной материи и в завершение всего заводную лошадь, у того же купца, у которого ранее приобрел Ветерка. Путь у меня будет неблизкий. До столицы империи три недели добираться, поэтому затаривался обстоятельно, мало ли что произойдет в пути. Пусть на тракте и достаточно постоянных дворов, но дорога есть дорога.

В лекарской лавке попросил отпустить мне мази для заживления ран и укрепляющую настойку.

А вот в «Доброй вдове» меня ждал сюрприз. Ларт, оказывается, решил отправиться в столицу со мной и уже сидел спиной к входным дверям, с дорожным мешком и в кольчуге. Рядом с ним на лавке стоял шлем и лежал большой кинжал в потертых ножнах, больше напоминающий небольшой меч. Вид он имел решительный и хмурый, наверное, чтобы вертящаяся перед ним одна из подавальщиц воспринимала его как серьезного и решительного мужчину. Она делала круглые глаза, охала и ахала, прижимая руки к щекам.

– Ах, ден Ларт, вы такой смелый! И вы тоже участвовали в схватке с Ночной гильдией? – спросила Эльга.

Ларт замялся, покраснел.

– Да, я находился все время с господином графом, – наконец нашелся он.

Я, чтобы не вводить никого в смущение, громко хлопнул дверью и покашлял. Ларт повернулся ко входу, увидел меня и покраснел еще больше. Когда мы познакомились, я подумал, что ему столько же лет, сколько Алексу, и лишь потом узнал, что Ларту неполных шестнадцать лет.

– Ты куда это собрался? – спросил я его, присаживаясь напротив.

– Господин граф, я должен ехать с вами. Кто-то же должен помогать вам ухаживать за конем и готовить пищу на стоянках. Да и не дадут мне тут жизни после всего.

Тут он был прав: я тоже думал над этим, но не предложил отправиться со мной только потому, что у него была семья,

и он был в ней главным мужчиной.

— А как же твои мама и сестры, на что они будут жить? — поинтересовался я.

— Господин граф, вы не могли бы взять меня к себе слугой? — снова покраснев, спросил Ларт.

И столько было в этом вопросе отчаяния и надежды, что ответить отрицательно я бы никогда не осмелился. Да и я все равно считал себя ответственным за то, что произошло с его семьей. Из-за меня они потеряли дом или нет, я не знал, но в любом случае доля моей вины в этом деле есть.

— Хорошо, Ларт, я беру тебя своим доверенным слугой, но ты принесешь мне клятву, после чего я назначу тебе плату. Давай поднимемся в мою комнату.

И я, встав, начал подниматься по лестнице. В комнате я поставил Ларта напротив окна и предложил ему повторять за мной:

— Вступая в должность слуги графа Алекса тан эль Зорга... — При этих словах глаза Ларта стали круглыми, а выражение лица удивленным. Но я продолжал дальше, и он не отставал и не сбивался. — Я клянусь все просьбы, пожелания и приказы графа выполнять беспрекословно, ни словом, ни делом, ни бездействием не причинять ему вреда. Не разглашать без разрешения графа ни разговоры, которым буду свидетелем, ни дела, ни поступки графа или свои. С этой минуты я принадлежу ему и телом и душой. В этом клянусь и присягаю.

Когда он закончил повторять слова клятвы, я поднял руку, призывая к тишине.

– Теперь слушай и молчи. Я, граф по праву рождения Алекс тан эль Зорга, принимая в слуги Эдгарда ден Ларта, клянусь защищать его как самого себя, быть справедливым и предостерегать его от неблагоприятных действий и поступков. В чем клянусь и присягаю.

Обычная кентийская клятва при приеме слуг, ведь слуги становятся членами семьи.

– Ну, вот и все, – сказал я. – Теперь нам надо обговорить оплату за твои услуги, собрать вещи и выехать. И по поводу оплаты, я буду платить тебе пятьдесят медных монет, стол и одежда за мой счет. Тебя это устроит?

– О да, господин граф, конечно, конечно устроит, – зачастил Ларт.

Сумма была неплохая, и пацану было лестно. Марта платит своим двадцать пять – тридцать медяков, и стол раз в день, так что судите сами.

– Тогда давай быстро собираться и выезжать, коня тебе купим позже, а сегодня придется пользоваться вьючной лошадыю.

– Но у меня есть конь и седло, и я полностью готов, вот только надо еще отчитаться по деньгам, что получил от вас в прошлый раз...

– Послушай, Ларт, нам нельзя терять время, и чем быстрее мы отсюда уберемся, тем целее будем. Вечером ты мне

все и доложишь, тебе понятно?.. Тогда вперед.

Проканителившись еще с час, мы наконец покинули постоянный двор. Подъезжая к воротам города, я нервно поглядывал по сторонам, а вдруг уже дана команда не выпускать меня из города. Пусть это и маловероятно, не дураки ведь бургомистр и начальник стражи. Если решатся, то убивать меня будут тихо, без свидетелей, а душа все же была не на месте. Но все прошло спокойно, и наш выезд никого не заинтересовал.

Выдав Ларту его плату за четыре месяца, в сумме двух серебряных монет, послал, чтобы он отдал их матери, и сказал, что я отъеду пару миль и подожду его. Мне все равно надо дожидаться Сарта с пиловочником. Да и просто спокойно обдумать сложившуюся ситуацию хотелось. Одному, без посторонних, вдумчиво.

Глава восьмая

Караван Сарта появился часа за четыре до сумерек. Мы с Лартом уже и перекусить успели привезенным им из дома пирогом, устроившись в редких кустах на опушке. Чтобы не сильно бросаться в глаза проезжавшим повозкам и караванам и не пугать народ. Обговорив все, что мне было надо, с Сартом и пожелав удачи в делах, я и Ларт наконец отправились в направлении столицы империи Мирана.

Через три часа остановились на ночевку. Распрягли и стреножили коней, Ларт приволок сушняка, и мы заварили травяного сбора и доели пирог Ларта. Постелив на землю плащ, положив под голову седло и завернувшись в одеяло, я просто отключился, напряжение последних дней давало себя знать. Ларт дежурит первую половину ночи, вторую буду я.

Когда я проснулся, то чувствовал себя полностью отдохнувшим и выспавшимся. Огляделся. В нескольких метрах тлел костер, Ларт сидел ко мне спиной, и было видно, что не спит. Вот где-то в лесу прокричала лесная птица, и тут же ухнул филин. Ларт нервно дернулся и повернулся в ту сторону откуда донесся звук, в руке у него был обнаженный кинжал.

«А парень-то боится, – подумал я. – Ничего, пусть привыкает». Поворочавшись и зевнув, поднялся.

– Ну как дежурилось? Все нормально? – спросил, присаживаясь возле Ларта.

– Да, господин Алекс, все тихо, только вот... – И он замялся, не зная, как сказать.

– Ну-ну, – подбодрил я его.

– Все равно мне было страшно...

– А, да это ничего. Думаю, привыкнешь. Хотя я и не планирую в дальнейшем часто ночевать в лесах и под открытым небом, но тут как получится. А теперь давай, – похлопал я его по спине, – отправляйся спать, а я посижу.

Когда восток заалел, предвещая скорый восход солнца, я подбросил в тлеющий костер сушняка и повесил два котелка, налив в них воды из фляги. В один кинул копченого сала и крупы, в другой – травяной сбор, который тут пили вместо нашего чая (кстати, этот сбор неплохо бодрил). Из той же фляги сполоснул лицо и, вытеревшись, отправился в кусты дальше совершать утренние процедуры. Освободив мочевой пузырь и заправившись, я услышал какой-то писк, притом в несколько голосов.

Осторожно раздвинув кусты, я обалдел: по небольшой полянке ползали два котенка. Память Алекса услужливо подсказала: *тарги*! Меня прошиб холодный пот, и по спине побежали мурашки. Полный трюндец! Самка тарга никогда надолго не бросает детенышей и не отходит далеко. Значит, она где-то здесь, а так как малышня начала пищать, то она летит сюда со всех ног. Я выхватил меч и кинжал, осталось только продать подороже свою жизнь.

Куст напротив зашевелился. «Вот и все!» – пронеслось в

голове, видно, не много времени мне было отмерено в этом мире, и из куста вылез еще один котенок тарга и присоединился к общему ору. Время шло, но все оставалось по-прежнему: я, застывший с мечом и кинжалом в руках, и верещащие на все голоса котята.

Первый шок миновал, и я увидел, что у котят еще не до конца открылись глаза, ходили они неуверенно, постоянно падая, и были очень тощие, у них в буквальном смысле торчали ребра. Они так же ползали по полянке, а я смотрел на них и думал, что делать. Что-то было не так. Неизвестно, что произошло с их матерью, но, видно, несколько дней никто тут не появлялся.

Оставить все как есть? Жалко, подохнут... Память Алекса снова подсказала: вырастут охранники, каким цены нет. Эх, была не была...

– А ну-ка, малышня, идите сюда!

Я вложил оружие в ножны и стал собирать по поляне верещащие комочки. Ага, как бы не так... Эти засранцы еще пытались огрызаться, шипели, царапались и даже кусались.

Наконец я сгреб их в кучу и направился к костру, по дороге обдумывая, куда мне это хозяйство определить и устроить. Ларт уже крутился у костра, помешивая кашу. Когда он увидел меня с пищущей и плачущей братией на руках, у него отвалилась челюсть и глаза полезли на лоб.

– Ларт, – заорал я, смеясь и подходя, – освободи сумку из-под болтов! Этих разбойников туда посадим, а то они меня

сейчас загрызут.

Устроил их в сумке, где они еще немного попищали и затихли.

Мы с Лартом позавтракали кашей и запили ее местным чаем. Стали собирать лагерь. Надо озаботиться питанием для малышни: есть мясо им еще рано, и они есть его не смогут, надо поискать по дороге молоко.

– Ларт, ты не знаешь, далеко ли до какого-нибудь села? – окликнул я парня.

– Да совсем рядом, господин граф. Утром даже слышно было, как собака лаяла.

– Тогда слушай меня: на тебе пару монет, скачи вперед и купи молока. Лучше козьего, оно жирней, а также деревянную неглубокую тарелку. И потом догонишь нас.

При попытке пристроить сумку с котятами на переднюю луку седла заволновался Ветерок, учуяв запах хищника. Я снял сумку, открыл ее и сунул ее под нос Ветерку. Пока расстегивал, тряс сумку, котята снова запищали. Ветерок посмотрел на меня, потом заглянул в сумку, понюхал, затряс головой и фыркнул, снова понюхал и фыркнул. Потом отвернулся, демонстрируя всем видом, что такая мелочь его не интересует.

Когда Ларт догнал нас, я сразу же налил в тарелку молока и, вытаскивая по одному из сумки котят, тыкал их мордочкой в тарелку. Понимания мы с ними достигли не сразу, они вначале так же верещали, возмущались, чихали, но, облизав

свою мордочку, тут же принялись активно искать, а где это тут такое вкусное было. Налопались так, что тут же у тарелки и спать поукладывались. Я снова по одному запихнул их в сумку, и мы тронулись дальше.

Интересно все-таки... Вот эти маленькие, с ладошку, и даже меньше котята через некоторое время вырастут в огромных черных убийц, от которых невозможно спастись и убежать. Как говорил герой одного мультика – «ужас, летящий на крыльях ночи», правда, этот ужас мог прилететь и днем. Тарги могли охотиться круглосуточно, убив добычу, тащили ее к логову и там уже ее ели. После того как добыча была съедена, отправлялись за новой. Тарги хоть и относились к кошачьим, но спали, в отличие от тех же кошек, пантер и ягуаров, мало. Утром после пробуждения они обследовали периметр принадлежащей им территории или то, что они считали ею. Попытки нарушения территории жестко пресекались, но интересно, что если на территорию забредали лиса или одинокий волк, это оставалось совершенно без внимания, а вот стая волков уже получала жестокий отпор. Да и не связывалась стая с таргом, а просто удирала изо всех сил.

Если кому-то удавалось достать котенка тарга, это было большой, просто огромной удачей. Преданней животного и друга не существовало. Говорили, что если их правильно воспитывать, то они будут понимать и человеческую речь. Но вот беда: я не знал, как правильно их воспитывать.

Я, вернее, Алекс, таргов вообще видел пару раз, и то мерт-

вых. Огромная черная туша, здоровенные клыки и когти... Одному нашему барону захотелось преподнести шкуру тарга своей невесте – а что, ворс на шкуре нежнее шелка! Наверное, если бы не смертельная опасность при добыче такого раритета, то ради шкуры их бы всех истребили... Так вот, этот барон взял в помощь десять копейщиков и пять арбалетчиков, шкуру они добыли, но целыми, вернее, в той или иной степени помятости, вернулись всего три человека. А двенадцать кентийских воинов и барон остались в лесу...

Десять кентийских копейщиков спокойно могут выйти против полусотни таких же имперских копейщиков или мечников, и я дам три к одному, что они останутся победителями. Вот вам и милые пушистые котята. А вот в неволе тарги потомство не дают. Говорят – правда или нет, не знаю – но раньше, до Большой войны, умели и приручать и воспитывать таргов, но, к сожалению, после были потеряны не только территории, но и многие знания.

Прервал мои размышления очередной писк случайно приобретенного хозяйства. Пришлось остановиться и выпустить их из сумки. Ишь какие, в сумке они гадить не хотят! Мне было интересно, что они будут делать после того, как справят нужду. Нужду справили, походили и побегали, смешно закидывая зад, и полезли опять в сумку. Теперь их оттуда и не выгонишь.

Обратил внимание, с каким интересом на них смотрел Ларт, улыбаясь и реагируя на все их неуклюжие движения.

Наблюдать за эмоциями на его лице было не менее интересно, чем за самими котятами. Ну ладно, посмотрели, поулыбались, пора и в дорогу.

* * *

— Как это его уже нет, а куда он делся? Гарет, я хочу знать, где он! — Бургомистра просто трясло от злости. — Почему вам ничего нельзя поручить, почему, я тебя спрашиваю?!

— Сайм, успокойся, он выехал в тот же день, когда и получил премию, точнее, позавчера к вечеру. По слухам, направился в столицу, как мы и предполагали.

— Гарет, ты представляешь, что будет, если он начнет рассказывать, что тут происходит...

— А что тут происходит? Ночная гильдия, которая на него напала — так она в любом городе есть. То, что бургомистр и руководство города его наградило — так не везде есть такое руководство, которое по достоинству может оценить поступок простого горожанина. А все остальное может быть или домыслами, или просто услышанными здесь сплетнями.

Бургомистр потер подбородок и посмотрел на начальника городской стражи.

— Ну, хорошо, если так. А парень-то не дурак! Или подсказал ему кто, как думаешь?

Тут их разговор был прерван настойчивым стуком в дверь.

– Ну кто там еще? Войдите! – недовольно проговорил бургомистр.

Очень уж он не любил, когда его прерывали. В дверь заглянул писарь управы.

– Прошу прощения, господин Сайм, прибыл гонец от бургомистра Арма.

– Давай его сюда, – проговорил бургомистр, усаживаясь в кресло. – Я тебя слушаю, – сказал он вошедшему в кабинет человеку в пропыленной одежде.

– Господин бургомистр, умер император Альторн II, и на трон взошел его брат Эрлик I, – сказав это, гонец облизал пересохшие губы и замер.

– Постой, какой Эрлик? А наследница трона принцесса Алисандра? – растерялся начальник стражи, опередив с вопросом бургомистра.

– Она пропала, – ответил гонец. – Говорят, исчезла из дворца, и даже ходят слухи, что от горя наложила на себя руки.

Бургомистр и начальник стражи переглянулись.

– Симор, – позвал бургомистр писаря, – покормите гонца, пусть приведет себя в порядок, и определите его на ночлег.

Когда дверь за писарем и гонцом закрылась, Сайм и Гарет молча уселись за стол.

– Да, дела, – только и смог произнести Гарет.

И они надолго замолчали, думая каждый о своем.

Всю следующую неделю мы ночевали так же, под открытым небом. Береженного бог бережет, как говорится. Будут нас искать или нет, неизвестно, но лучше поопасаться. Благо ночи стояли тихие и теплые, поэтому ночевки больших проблем не создавали. Котята росли быстро, я их подкармливал мясом и на стоянках выпускал уже безбоязненно. Покушав, сделав свои дела, они принимались возиться и играть, вот тут уже и нам доставалась минутка веселья, потому что без смеха на них было невозможно смотреть.

Набегавшись и устав, они лезли в сумку, которая уже стала маловата для них. Вот мы и решили два дня назад заехать в городок, который стоял вдалеке, примерно в двух днях пути от имперского тракта. Надо и продуктами запастись, да и какую-то корзину купить для котят. А еще хорошо выкупаться и выстирать одежду, а то уж очень сильно мы пропахали потом и костром.

В самом городе поселились на единственном постоялом дворе с претенциозным названием «Королевский». Можно было бы и не вспоминать о нем, если бы не забавный случай. Решив все свои дела, я попросил подавальщицу принести мне в комнату свежую печень. Она вначале не поняла мою просьбу, а когда я повторил, она не то что удивилась, а даже побледнела.

Примерно через полчаса в дверь постучал запыхавшийся мальчишка и протянул мне глиняную тарелку с печенью. Я в его присутствии отхватил от куска половину и, сказав, что это мне понадобится утром, протянул ему, забрал оставшийся на тарелке кусок и закрыл дверь. Покромсав печень на небольшие куски, я выпустил из сумки свое прожорливое хозяйство. Малышня принялась с удовольствием лопать, пытаясь неумело рычать и повизгивать. Я наблюдал за приемом пищи этих обормотов, когда услышал за дверью голос Ларта, возвратившегося с рынка.

– Ты что здесь делаешь? – задал он кому-то вопрос.

Я, дотянувшись, резко открыл дверь. За дверью находился давешний пацан. Увидев меня, он попятился, запнулся, упал на задницу быстро перевернулся и, не разгибаясь, так на четвереньках и побежал к лестнице. Уже у лестницы он умудрился в чем-то запутаться и скатился по ней до самого низа. Я недоуменно посмотрел на Ларта.

– Глянь, он там живой? – попросил я его.

Ларт подошел и глянул вниз.

– Да нет тут никого, господин Алекс...

Народ рад выдумывать себе страхи и находить им подтверждение. А если подумать... Свежая печень, за дверью кто-то или что-то рычит и подвывает, а тут еще распахивается дверь и вываливается детина с окровавленными кинжалом и руками, да еще и кентиец... Невольно струхнешь!

Выкупавшись и отлично выспавшись на кровати, в вы-

стиранной и пахнувшей свежестью и травами одежде, мы покинули этот городишко, только лишь восход окрасил край неба.

Глава девятая

Двигаться я решил в сторону, противоположную той, с которой мы заезжали в город. Так через несколько дней можно было выехать на еще один имперский тракт, связывающий империю и королевство Сармию, и вот уже по нему добратся до столицы. На второй день пути я почувствовал какую-то тревогу прям с утра и чем дальше тем больше, тревога усиливалась. По этому я с утра облачился в кольчугу и приказал это же сделать Ларту. Проверил, как выходит меч, кинжал, надел перевязь с ножами и повесил на переднюю луку седла арбалет. Корзину с котами, которую купил Ларт, с самого начала пути пристроили на выючную лошадь, и мне теперь ничто не мешало, даже случись какая-нибудь неожиданность.

Ехали осторожно, внимательно наблюдая за окрестностями. Предчувствие мое стало сбываться, когда я за поворотом услышал шум схватки.

– Ларт, оставайся на месте и ни во что не вмешивайся! – приказал я и, зарядив арбалет, поскакал на шум.

Не спеша выехал из-за поворота, чтобы успеть осмотреться и постараться разобраться в происходящем. У кареты, запряженной четверкой лошадей, скособоченной из-за отлежавшего колеса, с десятков человек нападали на троих. Еще человек пять или шесть лежали без признаков жизни.

Вот один из нападавших рванулся к карете и распахнул

дверь. Одновременно раздался женский визг, и нападавший, зашатавшись, упал с арбалетным болтом во лбу. Ну, женщин в любом случае надо защищать, и я, разрядив арбалет в нападавших, выхватил меч и метательный нож. Не теряя времени, метнул нож, пусть с коня и не очень удобно, но попал, и еще один упал.

Тем временем нападавшие заметили, что появилось новое действующее лицо, и старший из них прокричал, чтобы двое занялись мной. От толпы отделились двое и бросились ко мне. Я едва успел спрыгнуть с Ветерка, как пришлось отражать удар. А Ветерок, двигаясь, перекрыл путь второму, и тот на некоторое время замешкался, обегая коня, а потом имел неосторожность кольнуть мечом его круп, чтобы тот двигался быстрее. В ответ Ветерок удачно лягнул его задними ногами, и того откинуло на несколько метров, при этом он умудрился приземлиться очень неудачно, и, видно, сломал себе шею.

Я же, отразив удар меча противника, сам нанес удар в верхнюю часть его корпуса. Продолжая движение навстречу, ударил его ногой в колено. Заорав, тот упал, с головы его слетел шлем, и это решило его участь: я наступил ему на грудь, услышал, как захрустели его ребра, и, чтобы облегчить ему страдания, чиркнул мечом, вскрыв ему артерию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.